

Награда для генерала. Книга вторая

Автор:

[Лена Летняя](#)

Награда для генерала. Книга вторая

Лена Летняя

Награда для генерала #2

Став наградой для генерала чужой армии, я ожидала насилия и унижений, но получила лишь доброе отношение и иллюзию свободы. В повседневной жизни генерал Шелтер по прозвищу «Кровавый» оказался приятен и мил, и мое сердце не устояло: я влюбилась в завоевателя. Сказка длилась недолго, хозяин и рабыня слишком по-разному видят счастливое будущее. Мы наговорили друг другу много горьких слов, и теперь Шелтер где-то далеко, Магистрат замер в ожидании новой войны, а мне нужно найти способ спасти себя, ведь вокруг генерала плетутся интриги, кто-то угрожает его жизни, и я, кажется, вот-вот попаду под раздачу. Шепот ветра указывает мне путь, но куда он ведет? Быть может, все происходит не случайно, и кто-то управляет нами, передвигая как фигурки на шахматной доске?

Лена Летняя

Награда для генерала

Книга 2

Глава 1

После преждевременного отъезда генерала меня лихорадило еще неделю. В голове крутилась только одна мысль: я должна выбраться отсюда, сбежать. Куда угодно, лишь бы до того, как он вернется. Не знаю, чего я боялась. Того, что Шелтер вернется и исполнит свою угрозу? Да, это определенно пугало. Но терзало и то, что угроза окажется пустышкой, а мне будет стыдно смотреть Шелтеру в глаза. Ведь моих жестоких слов не вернуть и не исправить, генерал уехал с ними.

Еще я боялась, что он привезет с собой какую-нибудь другую девушку, которая окажется смелее и ласковее, и мне придется смотреть на них каждый день, как госпожа Холт была вынуждена смотреть на нас.

Но больше всего меня пугало, что он не вернется. Не потому, что моя судьба в таком случае снова станет туманна, ведь Магистр может и не удовлетворить его последнюю волю (если она действительно была изложена). Как жить, зная, что мужчина, в которого ты успела влюбиться, на прощание услышал от тебя лишь пожелание смерти? Впрочем, от этого ужаса меня не спас бы и побег: куда ни беги, а о гибели генерала Шелтера рано или поздно узнаешь.

Порой мне казалось, что навязчивый совет сбежать я слышу и в шепоте ветра. Но этот шепот был настолько тих, что я и сама понимала: это все игра моего воображения.

Следующие две недели я отчаянно искала варианты, стараясь вести себя как обычно и ни у кого не вызывать подозрений.

Моя жизнь за это время почти не изменилась. Разве что госпожа Холт теперь вела себя так, словно меня не существует. Впрочем, если она слышала что-то из нашей перепалки с генералом на террасе или он успел ей рассказать о ссоре перед отъездом, то ее поведение я вполне могла понять, учитывая отношение к Шелтеру.

В остальном все было по-прежнему: я помогала в саду господину Юнту, Галия позволяла мне экспериментировать на кухне и заодно обучала премудростям кулинарии, о которых я была не в курсе, с Марией мы порой болтали о всяких пустяках, а Глен продолжал доставать меня двусмысленными замечаниями и намеками. Впрочем, вскоре я окончательно убедилась в том, что он неприятный балабол, но на самом деле совершенно не опасен.

С дворецким мои отношения оставались ровными, а камердинер генерала и вовсе нас покинул, едва в его услугах перестали нуждаться. Как оказалось, он жил здесь только тогда, когда Шелтер приезжал в отпуск. В остальное время наведывался раз в неделю или две, чтобы проветрить гардероб и проверить, все ли в порядке.

Тревожил меня лишь господин Нейб. Он продолжал смотреть в мою сторону с недовольством каждый раз, когда мы пересекались. Порой ни с того, ни с сего начинал расспрашивать об Оринграде и моей семье, но всегда выглядел неудовлетворенным ответами, хотя я говорила чистую правду. Однажды даже спросил: хотела бы я вернуться домой? На что я честно ответила, что теперь уже нет. Я бы даже объяснила ему, почему так, но он только недобро прищурился и поковылял прочь.

Вариант возвращения домой я действительно больше не рассматривала. Одинаково противно было думать и о том, какие отношения меня ждут после столь долгого отсутствия, и о том, что придется сделать, чтобы вернуть себе доброе имя. Нет уж, в Оринград я возвращаться не хотела. Даже ради могилы матери.

Бежать и прятаться на территории Варнайского Магистрата тоже не имело смысла: все равно рано или поздно найдут, а наказания для беглых рабов тут были суровыми.

Зато я узнала, что на северо-западе Магистрат граничит с Замбиром – крупным государством, которое еще пять лет назад остановило его расширение в своем направлении. Об этом мне как-то рассказала Галия: оказалось, ее муж тоже служил в армии и погиб как раз в той кампании.

– Не покорился Замбир Варнаю, – со вздохом сказала она как-то, когда мы вместе попивали шоколад на ночь глядя. – Много тогда наших полегло. Генерал Шелтер... тогда еще полковник Шелтер тоже ранен был, но выкарабкался. Он вообще живучий, говорят, но на то он и маг. В конце концов пришлось отступить и заключить с Замбиром мир. Многие были недовольны Магистром, а еще больше недовольство вспыхнуло, когда он в новую драку ввязался, уже южнее. Но тогда все выгорело, и голоса недовольных стихли. А с Замбиром с тех пор у Варная отношения напряженные, туда порой сбегает те, кто вызвал недовольство Магистра, но успел унести ноги.

Едва Галия закончила свой рассказ, я подумала: раз Замбир принимает тех, кто скрывается от Магистра, то может принять и меня.

К тому времени я знала достаточно. Несколько раз сопровождала Галию, когда Мэл возил ее за покупками в ближайший городок, а потому начала ориентироваться в окрестностях. От камердинера генерала я знала, что он уезжает к дочери, которая потеряла мужа в одной из войн Магистра, держит лавку и воспитывает троих детей. Когда в его услугах не нуждаются каждый день, он помогает ей. Живет она довольно далеко, но поезд довозит туда за два часа. От дома Шелтера до станции на повозке можно доехать за сорок минут, а вот идти пешком... Пешком идти можно весь день. Или всю ночь. Зато поезда везут до самой границы Магистра.

План не был хорош. Я не знала, смогу ли пересечь границу. Разберусь ли в маршрутах поездов. Примут ли меня в Замбуре, дадут ли свободу или я просто сменю одно рабство на другое. А главное – смогу ли я вообще одолеть дорогу до станции, не сойду ли с пути, не упаду ли от усталости. Но что-то внутри велело бежать как можно дальше от этого места – и я не смела послушаться.

Требовалось срочно решить одну проблему: найти денег на поездку. После долгих колебаний я все же решила взять с собой подаренное Шелтером кольцо, оно наверняка пригодится. Но продать или заложить его я смогу не раньше Замбура. А для покупки билета на поезд требовались деньги. Да и билет мог понадобиться не один.

Помочь мне могла только Анна Кроули, если только с ней все хорошо. Через пару дней я набралась смелости и спросила Нейба, могу ли написать письмо домой.

– Зачем? – холодно поинтересовался он в ответ.

– Узнать, все ли в порядке у моего отца, – выдала я заготовленную ложь. – Теперь, когда некому работать в нашем кафе, он наверняка нуждается. Я вела все хозяйство дома, откладывала деньги на дурной день. У меня не было возможности сказать ему, где они лежат. Я хотела бы убедиться, что он нашел их.

– Тебя только сейчас это взволновало? – деланно удивился Нейб.

На самом деле меня этот вопрос совсем не волновал, потому что отец всегда контролировал доходы от работы шоколадницы и прекрасно знал, куда я складываю накопления. Я прятала только то, что откладывала на возможный отъезд, но там скопилось совсем мало: мне редко удавалось сэкономить на чем-то так, чтобы отец не узнал. Именно об этих деньгах я собиралась попросить госпожу Кроули: она могла достать их и переслать мне, и оставалось надеяться, что я смогу обменять их на местные.

– Я только сейчас решилась попросить разрешения написать, – глядя в пол, соврала я, надеясь, что Нейб не настолько проницателен, как Шелтер.

Управляющий откинулся на спинку кресла (я потревожила его в рабочем кабинете), помолчал и неожиданно согласился.

– Хорошо, пиши. Только имей в виду, что я прочитаю письмо. И прочитаю ответ.

Мне с трудом удалось скрыть разочарование. Чтобы не вызывать лишних подозрений, письмо я все же написала, но денег, конечно, просить не стала. Просто написала Анне, где лежит припрятанное, и попросила ее позаботиться об отце. По крайней мере, он будет знать, что я жива. Если, конечно, для него это все еще важно. Его едва ли обрадует новость о том, что я живу в доме варнайского офицера. Возможно, для него это будет хуже, чем известие о моей кончине. Он никогда не поверит, что я тут за цветами ухаживаю.

После провала задумки с письмом на меня снова навалилась апатия, руки опустились и решимость бежать ослабла. Просить денег у кого-то в доме генерала я не решилась. Достаточно близка я была лишь с Галией и господином Юнтом, но они оба очень уважительно относились к Шелтеру, а потому едва ли станут помогать бежать его рабыне.

И я снова предпочла спрятаться в повседневной рутине. Как прежде находила причины не уезжать из Оринграда, так теперь убедила себя, что мне не сбежать из дома генерала Шелтера. О котором я думала чуть чаще, чем постоянно. Даже во сне.

В тот день, примерно два месяца спустя после отъезда генерала, я снова думала о нем. О том, что скажу, когда снова увижу его. И о том, успею ли я что-то сказать. Даже пропалывание сорняков не спасало от постоянного мысленного

диалога, который я с ним вела, пытаюсь предугадать его реакции. Конечно, глупо было надеяться, что мне это удастся, но я просто не могла остановиться.

В какой-то момент мне стало не по себе. Кожа начала зудеть, как бывало, когда ее опалит солнце, но пик жары уже миновал. Нечто похожее я пару раз испытывала под взглядом Шелтера, поэтому торопливо вскинула голову, ища его глазами, однако нашла лишь управляющего. Он стоял далеко, на террасе, сложив ладони на ручке трости, но смотрел точно на меня. Пронзительно, неотрывно.

Порыв ветра, подхвативший мои волосы и бросивший их в лицо, принес тихий, шелестящий, но на этот раз очень внятный приказ. Всего два слова: «Беги отсюда».

Несмотря на то, что ветер был теплым, а солнце хоть и стало мягким, но все еще усердно согревало землю, у меня мороз пробежал по коже. На несколько секунд наши с Нейбом взгляды встретились, после чего управляющий медленно развернулся и скрылся в доме. А я еще долго сидела, замерев в одной позе и глядя туда, где он только что стоял.

* * *

Такого не происходило никогда. Раньше ветер лишь утешал, обещая. Сегодня он впервые сказал, что нужно делать. Причем сообщив, что мне нужно бежать, после паузы уточнил, что сделать это надо сегодня же, не оставаться в особняке на ночь. Я ничего не понимала, но меня охватил страх вперемешку с дурным предчувствием. Оба на два голоса орали в голове, что я сегодня же должна уйти. Пусть даже и в пустоту.

В пустоту идти не хотелось, поэтому пришлось вернуться к оставленному из-за отсутствия денег плану. Но отчаяние рождает в голове отчаянные мысли. И если мне негде было попросить денег, то оставалось только одно: взять их самой.

От одной мысли мне стало не по себе. «Не бери чужого» – одна из главных заповедей Тмара, а я собралась ее нарушить. Однако другого выхода я не видела, а потому убедила себя, что лишь возьму в долг. Пришлю Шелтеру деньги, как только они у меня появятся. Возможно, однажды даже смогу

вернуть подаренное кольцо, хотя взять с собой подарок – это не совсем воровство.

Еще неделю назад я впервые предложила Марии помощь в уборке дома. Мне давно казалось странным, что Юнту и Галии я помогаю регулярно, а ей ни разу даже не предлагала, хотя мы уже преодолели неловкий момент, когда она считала меня своей госпожой, и даже перешли на «ты». Судя по тому, как ее вдохновило мое предложение, она и сама подумывала о творящейся несправедливости.

Проведя для меня краткий инструктаж, она объяснила, в каком порядке убирает комнаты в доме.

– Только, сама понимаешь, в комнату генерала Шелтера и господина Нейба пустить тебя не могу, но здесь хватает гостевых спален и гостиных, где мы могли бы убираться вместе.

Тогда меня это вполне устроило: прикоснуться к вещам генерала как-то не хотелось. И уж тем более появляться там, где можно лишний раз повстречаться с Нейбом. Но Марии все равно пришлось показать, которые из комнат принадлежат хозяину дома и его управляющему, дабы я держалась от них подальше. И сейчас это оказалось очень кстати.

Очнувшись от ступора, когда шепот окончательно стих, я извинилась перед Юнтом, невнятно пробормотав что-то о своей забывчивости. Мол, обещала помочь Марии с уборкой, да засиделась на солнышке. Старик, конечно, не стал меня задерживать.

Сегодня Мария не убиралась в комнате Шелтера, это я точно знала, а никому другому в отсутствие генерала заходить в его комнату в голову не придет. По крайней мере, я на это очень надеялась, но на всякий случай взяла с собой все необходимое для уборки, чтобы хоть как-то объяснить свое присутствие там.

Оказавшись на пороге личной комнаты генерала Шелтера, я ощутила почти такое же волнение, как в тот раз, когда он впервые взял меня на руки. Было так же страшно и так же любопытно. Я в последний раз бросила взгляд на пустой коридор, оставшийся позади, и скользнула внутрь, надежно закрыв за собой дверь. Сердце испуганно колотилось в груди, его стук отдавался в ушах, но я

постоянно напоминала себе, что все продумала, а значит, волноваться не о чем. Кроме странного приказа ветра, который не сулил мне ничего хорошего, если я останусь в доме.

Комната генерала оказалась подозрительно похожа на мою, что на самом деле было не так уж удивительно: она находилась точно над ней, в том же углу, но на третьем этаже, а потому была такого же размера и формы. Те же два окна и глухой темный угол, в котором стояла кровать. Интерьер тоже был выдержан в похожем стиле. Пожалуй, основное отличие состояло в том, что книги на полках не перемежались вазочками с цветами и статуэтками. На них просто не оставалось места. Да письменный стол выглядел куда более часто используемым. Сейчас на нем, конечно, царил абсолютный порядок, но все равно на поверхности лежали письменные принадлежности, стопка писчей бумаги, какая-то толстая книга в кожаном переплете.

С изогнутой настольной лампы на металлической цепочке свисал плоский, начищенный до блеска, но заметно погнутый медальон в виде тонкой пластины со скругленными краями. Почему-то именно он первым привлек мое внимание. Я не сразу вспомнила, где уже видела такое, а когда вспомнила, непроизвольно поежилась. После нападения по пути в Сиран капитан Моран снимал такие медальоны с погибших солдат, пока им рыли могилы. Значит, у офицеров тоже такие есть? Хотя если бы этот принадлежал Шелтеру, то он, наверное, был бы на нем?

Я подошла ближе и коснулась пальцами холодного метала. Не снимая с лампы, повернула так, чтобы прочесть выбитые символы, но лишь разочарованно вздохнула. Я ожидала увидеть на жетоне имя, но тут стояли только цифры и черточки.

Может быть, медальон принадлежал какому-то важному для генерала человеку? Но кто бы это мог быть? Друг? Брат? Или это все-таки его медальон, но, например, старый? Интересно, мог ли генерал когда-то быть рядовым? И потом сменить солдатский номер на офицерский? Было ужасно любопытно и становилось очень грустно от мысли, что мне уже не расспросить Шелтера, удобно устроившись на ступеньках террасы с бокалом вина и провожая взглядом садящееся за горизонт солнце.

Я отпустила пластину, напомнив себе, что медлить и задерживаться в комнате хозяина дома не стоит: это повышает риск быть пойманной. Нужно поскорее

найти немного денег и убраться отсюда.

Дернув на себя первый же ящик стола, я едва не застонала от досады: он оказался заперт. Если в этой комнате и лежат деньги, то в нем. И все же я принялась осматривать остальные пять в надежде найти хотя бы какую-то незначительную мелочь.

Дойдя до среднего ящика с другой стороны стола, снова замерла, недоуменно глядя на его содержимое. Здесь лежали какие-то связки писем, но не они привлекли мое внимание. А игрушка. По крайней мере, сначала мне показалось, что это игрушка: пестрая, хоть и поблекшая от времени птичка. Чтобы убедиться в реальности предмета, я коснулась кончиками пальцев шершавых боков: птичка была сделана из глины. Я достала ее и покрутила в руках.

Вещица была старой и простой. Не лишенной изящества, но едва ли дорогой. При ближайшем рассмотрении под хвостом обнаружилась маленькая трубка, а на тельце – три отверстия. Повинуясь секундному порыву, я поднесла трубку к губам и дунула в нее. Из широко раскрытого клюва вырвался смутно знакомый звук. Да, я слышала нечто подобное уже пару раз и назвала «пением ветра в трубах». Так вот на чем были сыграны те мелодии! Неужели их играл Шелтер? На этой нелепой птичке?

Сложно было представить генерала, играющего на таком странном инструменте, но если он делал это, сидя у открытого окна, то я вполне могла слышать мелодию, сидя у открытого окна этажом ниже.

Сразу вспомнилось, как я слушала «пение ветра» в вечер после нашей поездки по окрестностям имения. Тогда мне казалось, что призрачная мелодия звучит для меня. Возможно ли, что так и было?

Но если так, то именно в тот день все было правдой. Не мог Шелтер знать, что я слушаю. Как не имело для него смысла играть, соблазняя меня, если я даже не знала, что играл он. Он играл для себя, просто то, что он чувствовал в тот момент, оказалось созвучно моим ощущениям.

На мгновение это поколебало мою уверенность. Ведь если сбегу и доберусь до Замбира, то больше его никогда не увижу, никогда с ним не поговорю. Не смогу извиниться за брошенные на эмоциях слова. Не услышу его объяснений. Никогда

больше не окажусь в его объятиях и не смогу обнять сама. Это будет навсегда.

Но момент сомнения прошел. Теперь уже не имело значения, что чувствовал он и о чем мечтала я. Если останусь в доме еще хотя бы на одну ночь, случится что-то страшное. Ветер не стал бы предупреждать зря. А генерал сейчас далеко и уже меня не защитит. Если вообще когда-нибудь захочет видеть.

И все-таки интересно, откуда у него такая птичка и что она значит? Как-то не вязался его образ с подобным музыкальным инструментом (как и с музыкальными инструментами вообще). Судя по возрасту вещицы, она вполне могла храниться у него несколько десятилетий. Игрушка из детства? Но у меня сложилось впечатление, что Шелтер ненавидит свое детство. Тогда зачем хранит о нем память?

Тихое клацанье поворачивающейся дверной ручки за спиной едва не заставило меня выронить птичку, зато от строгого голоса Нейба я почти подпрыгнула на месте:

– Что ты здесь делаешь?

* * *

Той секунды, что прошла между клацаньем и вопросом, мне хватило, чтобы коленом задвинуть ящик стола. Положить на место птичку я, конечно, не успела, но мне удалось не выронить ее из рук, а осторожно опустить на стол и отодвинуть подальше. Только после этого я повернулась к управляющему и выпалила:

– Убираюсь.

Керам Нейб окинул меня пристальным взглядом с ног до головы, перевел его на ведро с тряпками и метелками, пальцы его сжались вокруг ручки трости. Он шагнул вперед, и мне оставалось только пожалеть, что пятиться некуда.

– Неужели? И с каких пор ты у нас работаешь вместо Марии? Что ты искала в столе?

– Ничего!

Мне не хватило решимости выдержать его взгляд, я опустила глаза в пол, чувствуя, как шею и лицо охватывает пожаром.

Я пропала! Ну, откуда он тут взялся? Зачем пошел в пустую комнату генерала? Почему именно сейчас? Почему именно он?

– Знаешь, милая, – процедил Нейб, передразнивая манеру Шелтера и неумолимо приближаясь с каждым новым словом, – ты мне с самого начала не нравишься. Твой невинный вид, мнимая скромность и честные глаза, возможно, кружат голову генералу, но не мне. Отвечай, что ты здесь делаешь, иначе клянусь всеми богами, пожалеешь, что сюда пришла.

На последнем слове он угрожающе навис надо мной, и я всерьез задумалась, смогу ли убежать, если выбью трость у него из рук. Но он мог успеть меня схватить, поэтому я не решилась.

– Мира? Господин Нейб? Что здесь происходит?

Еще никогда я не была так рада видеть Арру Холт! Не знаю, откуда и куда она шла, но ее, видимо, привлекли наши голоса, поэтому теперь она стояла на пороге комнаты, как всегда очень прямая, в строгом черном платье ниже колена и с собранными в пучок волосами. Экономка хмурилась, но по ее виду было абсолютно непонятно, кто именно вызывал ее недовольство. Моя радость моментально угасла, когда я поняла, что ее появление может не то что не спасти меня, а только усугубить мое положение.

– О, вы кстати, госпожа Холт, – хмыкнул Нейб, полуоборачиваясь к ней. – Скажите-ка, давно ли госпожа Торн выполняет у нас функции горничной?

– Примерно с неделю, – спокойно сообщила экономка, отчего ухмылка на лице Нейба слегка померкла. – Мария сообщала мне, что она вызвалась помогать и ей тоже. А в чем дело? Мира уже помогает садовнику и кухарке, почему бы ей не помогать и горничной? Генерал Шелтер не оставлял каких-либо ограничивающих распоряжений на этот счет. Даже наоборот, сказал, что его гостя вольна выбирать себе занятие по вкусу.

Было так странно слышать, что Холт все еще называет меня «гостьей» Шелтера.

Нейб недобро прищурился. Снова повернулся ко мне, скользнул взглядом по платью, задержал его на карманах.

– А вы уверены, что ее можно допускать к уборке комнаты хозяина? Учитывая все обстоятельства...

– Нет, и она не должна была ее убирать, – поспешно согласилась Холт. – Мария показывала ей комнаты, с уборкой которых она может помогать. Но я полагаю, что Мира просто перепутала.

Сердце, почти замершее от страха, радостно подпрыгнуло в груди. Уж не знаю почему, но экономка сегодня была на моей стороне. А это оставляло мне шанс выбраться из ситуации без потерь.

– Да неужели? – снова оскалился Нейб.

– Именно так, – выдавила я. – Я редко бываю на третьем этаже, слегка заблудилась.

– Это довольно странно, учитывая, что второй этаж, на котором ты живешь, точно такой же.

– Кто из нас не ошибается на новом месте, господин Нейб? – чуть повысив голос, спросила госпожа Холт. – Уверена, генерал Шелтер простил бы Мире столь мелкую оплошность. Тем более она ничего не успела испортить. И как я понимаю, даже не успела начать убираться.

Госпожа Холт выразительно посмотрела на нетронутое ведро, а я судорожно закивала.

Однако на управляющего наши слова не произвели впечатления. Правда, ведро тоже привлекло его внимание. Придирчиво поворошив тростью сложенные в него в предметы и, очевидно, не найдя ничего криминального, он снова обратил свой взор на меня.

– Выверни-ка карманы.

Я торопливо засунула дрожащие руки в карманы и вывернула их, как он велел. Они, конечно, оказались пусты, но господин Нейб почему-то не выглядел удовлетворенным этим фактом. Все так же недовольно щурясь, он наклонился ко мне, к самому моему уху, и тихо прошептал:

– Я все равно доберусь до тебя, милая. Попомни мое слово. Еще пожалеешь, что появилась в этом доме.

– Господин Нейб, у вас есть другие вопросы к Мире или ко мне? – снова подала голос госпожа Холт.

– Пока нет, – громко ответил управляющий, отшатнувшись от меня.

Он повернулся и направился обратно к двери, тяжело опираясь на трость. У порога замешкался, пытаясь разминуться с экономкой, но в итоге все равно задержался, когда та его уже почти пропустила. Его взгляд, такой же недоверчивый и недовольный, теперь вперился в нее.

– Присматривайте за ней, Арра. Как следует присматривайте.

– Как скажете, господин Нейб, – отозвалась Холт, ни на секунду не отведя взгляда от его глаз. Я искренне позавидовала такой невозмутимости.

Нейб бросил на меня последний взгляд и, наконец, вышел, стук его трости постепенно затих. Только тогда я смогла выдохнуть. И вместе с воздухом из меня едва не вышли все силы, ноги заметно ослабли, пришлось схватиться за край стола, чтобы не свалиться на пол.

– Мира? – окликнула меня экономка.

Она осталась стоять на пороге, но недовольство на ее лице сменилось озабоченностью. В голосе мне слышались тревожные нотки. Вот бы никогда не подумала, что госпожа Холт может переживать за меня.

– Все в порядке?

- Да, - заверила я. - Испугалась немного, но сейчас пройдет.

- Лучше тебе покинуть эту комнату и сегодня заняться чем-то другим, не уборкой, - велела Холт уже строже. - Ясно?

- Предельно, - кивнула я.

Подхватив ведро, я торопливо направилась к двери, стараясь не смотреть на экономку, чем, вероятно, и вызвала новый приступ подозрений. Арра Холт неожиданно выставила руку, хватаясь за дверной косяк и преграждая мне путь.

- Мира, - позвала она вкрадчиво. Не так угрожающе, как Нейб, но мурашки по коже у меня все равно побежали. - Ты ведь не замышляешь ничего такого, что могло бы повредить генералу Шелтеру?

Сердце пропустило удар, и я с трудом сглотнула вставший в горле ком. Заставила себя повернуть голову и посмотреть на экономку, прямо ей в глаза.

- Я не желаю зла господину генералу, - заверила я.

Поскольку это было чистой правдой, Холт удовлетворенно кивнула и опустила руку.

- Тогда иди к себе. Лучше тебе сегодня пересидеть в своей комнате. Иначе господин Нейб будет цепляться к тебе по поводу и без. Ведро только в чулан обратно отнеси.

Я кивнула и поторопилась прочь. Услышав, как закрылась позади дверь комнаты Шелтера, стиснула зубы, пытаюсь удержать внутри некстати наворачнувшиеся на глаза слезы.

Теперь стало окончательно понятно, что денег мне не достать и придется бежать без них. Если после указания ветра у меня оставались какие-то сомнения, то теперь все стало очевидно и недвусмысленно: угроза исходит от Керама Нейба и задерживаться в доме генерала мне нельзя. Даже на одну ночь.

Глава 2

Когда на улице начало темнеть, моя решимость снова ослабла. Остаток вечера я провела в своей комнате, то судорожно отбирая вещи, без которых нельзя бежать, то неподвижно сидя на подоконнике и глядя в окно. Я старалась думать о том, что и как делать дальше, но мысли упорно крутились вокруг птички-флейты, найденной в столе Шелтера. И как следствие – вокруг самого генерала.

Уйти или остаться – вопрос снова стал вопросом, когда приблизился час предполагаемого побега. Что опаснее: отправиться сквозь ночь к станции, не имея при себе ни денег, ни документов, и попытаться сесть на поезд, или остаться, дожидаясь, когда Керам Нейб «доберется» до меня и заставит пожалеть, что я здесь появилась? Ветер определенно считал, что второе. Потому что, когда я открыла окно, чтобы глотнуть вечернего воздуха, его порыв вновь донес до меня панический приказ: «Беги немедленно, беги сегодня! Не оставайся на ночь в доме».

И эта уверенность ветра в конце концов качнула чашу весов в сторону побега. Ведь прежние предсказания сбылись. Может быть, во мне и правда есть капля крови тех могущественных шептуний? Ее не хватает для ворожбы, но достаточно, чтобы кто-то там, далеко, пытался меня защитить и направить?

После возвращения на кухню подноса из-под ужина меня обычно никто уже не тревожил. Оставалось надеяться, что Галию не удивит мой внезапный аппетит: в этот раз я «съела» все до последней булочки и пирожка, чего обычно не случалось. Вернувшись в комнату, я все же достала из-под кровати полусобранный чемодан и добавила туда самые необходимые вещи. Чемодан намеренно взяла маленький, понимая, что тащить несколько часов большой не смогу. Ожерелье положила в карман платья, которое выбрала для путешествия: максимально закрытое, темное, не привлекающее ко мне внимания.

Когда за окном совсем стемнело, а дом затих, я была уже полностью готова. С замирающим сердцем выскользнула из комнаты, до боли в ушах вслушиваясь в тишину и ловя любой подозрительный звук. Где-то открылась дверь? Или скрипнула половица? Все могло стать поводом бежать обратно, пока меня не поймали с чемоданом в руках.

Но все было тихо. Ни одна лампа не горела, но я уже достаточно хорошо знала дом, чтобы спуститься на первый этаж на ощупь. К тому же глаза мои довольно быстро привыкли к скудному освещению, которое дарила большая круглая луна за окнами.

Дабы не стучать каблуками по мраморным ступеням и полу холла, я несла туфли в руке, прижимая их к груди, и камень неприятно охлаждал ступни сквозь тонкие чулки.

На первом этаже я юркнула к кухне, поскольку там имелся дополнительный выход. К нему некоторые поставщики привозили Галии продукты, чтобы не тревожить хозяев с парадного входа. Обычно дверь была заперта, но я уже знала, где лежит ключ.

Я была близка к своей цели, когда кухню внезапно залило тусклым светом нижнего освещения и хрипловатый голос кухарки у меня за спиной удивленно спросил:

– Мира? Куда это ты собралась на ночь глядя?

Мне показалось, что сердце в груди остановилось, а потом разорвалось, из легких вышибло весь воздух, а по спине прокатился ледяной валик. Я поняла, что пропала, и от накатившего ужаса защипало глаза. Я замерла, вращая ногами в пол, будучи не в силах ни пошевелиться, ни обернуться.

Галия подошла ко мне сама, глухо шаркая тапочками по полу. Обогнула, как всегда смешно переваливаясь с боку на бок, заглянула в лицо с тревогой и непониманием. Она была в стареньком застиранном халате, накинутом поверх ночной рубашки, с чепцом на голове, под которым скрывались накрученные на папильотки волосы. Кухарка вопросительно приподняла брови, а я молчала, дрожа всем телом и пытаясь удержать слезы, и постепенно непонимание на лице Галии сменилось осознанием. И ужасом. Ее взгляд на мгновение метнулся к чемодану и снова вернулся к моему лицу.

– Это что же такое-то, а? Это что же ты удумала, девонька моя? – почти прошептала кухарка. – Это ты... бежать, что ли, собралась? Ты мне это брось! А ну марш обратно в свою комнату – и я никому не скажу, что видела тебя здесь.

Внутри что-то хрустнуло, ломаясь. Словно со стороны я смотрела на то, как роняю чемодан и туфли, падаю на колени и хватаюсь руками за халат Галии. Слезы из глаз все-таки брызнули, и я принялась умолять, захлебываясь ими:

– Галия, миленькая, пожалуйста, позвольте мне уйти. Я не могу здесь оставаться! Ни дня, ни минутки. Мне надо уйти, пожалуйста!

– Ну... ты это... что же ты... да перестань реветь... и с колен подымайся! – растерянно запричитала Галия, хватая меня за плечи. – Вот же... попила молочка перед сном...

В конце концов ей удалось усадить меня на стул, после чего она всучила мне стакан холодной воды и чистую салфетку вместо платка.

– Мирочка, что же ты? Все же хорошо у тебя тут! Генерал же тебя не обижал никогда. Работать не заставлял, голодом не морил, подарки дарил, на танцы возил... Чего ж ты от него бежать-то собралась?

– Я не от него, – с трудом выдавила я, продолжая рыдать, сама не понимая почему.

– А от кого же? Это из-за Глена, что ли? – предположила она, поскольку знала, что лакей любит изводить меня грязными намеками, зажимая в углу. Руками, впрочем, никогда не трогал. – Что он тебе опять сказал? Ты его слова всегда дели на сто, девонька, поверь, он тебе ничего не сделает, что бы там его паскудный язык ни мел. Он парень вредный, но не злой. Не от извращенности природы в нем это, девонька, а от болезни. Плохо ему, вот он и огрызается на всех.

– Да дело не в Глене, – наконец снова выдавила я.

– Да в ком же тогда? – всплеснула руками кухарка.

Я закрыла глаза и покачала головой. Если скажу, что ветер нашептал мне, не поверит. А без этого не стоит и упоминать Нейба, никто в доме генерала – включая, его самого, – от управляющего подвоха не ждет.

– Просто поверьте, Галия, мне нельзя здесь оставаться, – уверенно произнесла я, открыв глаза и поймав ее взгляд. – Я не могу сказать всего, но мне грозит опасность. Особенно если сегодня я здесь останусь.

– Дурочка ты, – замахала она на меня руками, – подумай лучше, что тебя ждет, если тебя поймут. Ты же рабыня, девонька. Высекут – это самое малое, что тебе грозит. А коли поймут, что ты наложница, то еще чего похуже сотворят. На тебе же не написано, что ты не порченная, а когда они поймут это, будет уже поздно, сделанного назад не воротишь. Побьют как следует, чтобы молчала, а генералу потом скажут, что такой и нашли – изнасилованной и избитой. И это если к полиции попадешь, а не к мужикам каким. Те и прикарманить могут, как кошель чужой. Ну, куда ты пойдешь? Куда ты денешься, девонька?

– В Замбир, – прошептала я, обхватывая себя руками за плечи, чтобы согреться: от слов Галии снова морозом пробрало. – Вы же мне сами говорили, что от Магистра туда бегут.

Кухарка горестно вздохнула и покачала головой.

– Говорила-то я говорила, да как ты туда собралась добратся? У тебя хоть деньги на билет есть? Да какой билет! Ты знаешь, где станция? Туда пешком не дойти...

– Дойти! – возразила я с энтузиазмом. Внутри отчего-то вспыхнула слабая надежда. – Я знаю, как дойти, к утру буду там, самое позднее – к полудню. Денег у меня нет, но есть это.

Я порывисто засунула руку в карман и вытащила ожерелье, протянула его Галии.

– Вот, возьмите его и дайте мне взамен немного денег, пожалуйста! Оно не ворованное, генерал мне его подарил, сказал, что в крайнем случае я смогу его продать. Вот этот случай настал! Оно дорогое, видите, как переливается? А я прошу за него только денег на билет. Пожалуйста, Галия!

Я посмотрела на нее с мольбой, но Галия только испуганно замахала на меня руками.

– Что ты, Мира, убери это сейчас же! Даже не проси... Если узнают, что я тебе бежать помогла, меня генерал поганой метлой отсюда выметет. Ты иди к себе, я никому не скажу, что я тебя здесь видела. А завтра все будет казаться уже не таким мрачным, сама увидишь.

Руки снова опустились, а по щекам покатились новая порция слез. Я смотрела на ожерелье с отчаянием. Вот же, в руках такая дорогая вещь, а толку от нее ноль!

– Тогда просто позвольте мне уйти, – тихо попросила я, уже не глядя на кухарку. – Никто не узнает, что вы меня тут видели. Мы ведь могли с вами разминуться. Спустились бы вы на минуту позже, я бы уже ушла. Даже если меня поймут, клянусь могилой матери, никому про вас не скажу.

– Сгинешь ведь, дурочка, – пробормотала Галя с горестным вздохом. – А если и не сгинешь... Генерал-то по тебе тосковать будет, ты хоть понимаешь это?

– Найдет себе другое развлечение, – возразила я, не сумев скрыть боль в голосе. Сейчас мне очень нужно было верить именно в это, иначе решимость рухнет. – В чужих землях девчонок много, на них с Магистром хватит. А мне нельзя оставаться. Я и здесь сгину, а так у меня хотя бы шанс есть.

Галя снова тяжело вздохнула, поцокала языком, еще раз что-то проворчала о том, какая я дурочка, а потом вдруг стремительно повернулась и подошла к одному из шкафов, провернула в замке неизвестно откуда взявшийся ключ и резким движением открыла дверцу.

– Вот, держи, – тихо велела она, снова подойдя ко мне и протянув руку. – Я потом свои сюда доложу.

В руке были зажаты свернутые банкноты. Я пока плохо разбиралась в варнайских деньгах, но сверток выглядел внушительно. Подняв растерянный взгляд на кухарку, я увидела на ее лице отчаянную решимость.

– Бери-бери, девонька. С деньгами у тебя хоть какие-то шансы есть. Смотришься ты как свободная, чемодан при тебе, а будут деньги – так на тебя полиция и внимания не обратит. Если не будешь задерживаться и повезет с поездами, можешь и успеть доехать до границы, пока тебя начнут серьезно искать. А там уж смотри сама, в этом я тебе не помощник. Побрякушку свою себе оставь,

пригодится в Замбуре, коли доберешься.

Я схватила деньги, прижала их к груди, потом торопливо засунула в карман вместе с ожерельем. Вскочила и крепко обняла Галию.

- Спасибо!

- Да что уж... - смущенно отмахнулась та, высвобождаясь из моих объятий. - Что же я, не женщина? Понимаю, что быть рабыней и при хорошем мужике радости мало. А ты, видать, еще чего-то боишься, а значит, все равно сбежишь. Ну так я хоть свою совесть успокоить смогу, что сделала для тебя, что могла. Хорошая ты, девонька. Пусть тебя Тмар бережет.

С этими словами она открыла дверь, и я, торопливо вставив ноги в туфли и схватив чемодан, выскочила в теплую летнюю ночь.

Глава 3

Страшно было только в самом начале. Пока особняк генерала не скрылся из вида, я все боялась, что в окнах загорится свет, поднимется шум, после чего меня догонят и вернут назад. А когда я отошла достаточно далеко, стало страшно, потому что теперь я осталась совсем одна.

Но вскоре я пришла к выводу, что раз вокруг ни души, то и бояться некого. Широкая дорога вела в нужном направлении, сбиться с пути и заблудиться мне, скорее всего, не грозило, никакого леса вокруг, а стало быть, и никаких варгов или других хищников. Поэтому шагала я бодро, фантазируя о том, как выберусь из Магистрата - и тогда, наконец, начнется та жизнь, о которой я мечтала. На новом месте, без оков традиций Оринграда, без оков рабства. Я буду много работать и со временем налажу быт, разведу под окнами сад, встречу достойного мужчину...

Правда, в этом месте размышлений мне становилось немного горько. Фантазия уводила меня в воображаемый солнечный день, в котором я протираю витрины своей новой шоколадницы, готовя ее к открытию, но тут звонит колокольчик - и

в кафе входит генерал Шелтер. В одном варианте он появлялся в блеске парадной формы, в другом – одетый как в нашу первую встречу. Но каждый раз я представляла, как он говорит что-то вроде: «Моя война закончена, милая, я пришел за своей наградой. Я пришел за тобой». Это было бы очень в его духе.

И нет, в моем воображении это не значило, что он возвращает меня как беглую рабыню. Наоборот, он оставался со мной. И мы с ним селились в новом доме: таком же красивом, как его особняк, но значительно меньше, с уютным садом. Рядом с нами каким-то образом оказывались и добрая Галия, и старик Юнт, и славная Мария, и веселый капитан Моран, и даже Анна Кроули со своими детьми. Я была готова взять с собой в эту фантазию и госпожу Холт, Мэла, Морроу. И обязательно волшебный мотоцикл генерала. И, может быть, мы все поселимся где-то у моря, где по утрам так же кричат чайки и шумит порт, как в моем детстве... И у нас с Шелтером обязательно родится двое детей: мальчик, похожий на него, и девочка, похожая на мою маму.

Какое-то время радужные мысли помогали мне не бояться пустой тихой темноты вокруг, бодро шагать и не скучать, но постепенно я стала выдыхаться. От непривычно долгой ходьбы туфли начали натирать ноги, скромных размеров чемодан с каждым шагом весил все больше. Я пару раз останавливалась, ставила его на землю и садилась сверху, чтобы перевести дыхание, но в первый долго не усидела, боясь, что каждая минута простоя может стоить мне свободы, а во второй едва не уснула, после чего твердо решила больше так не делать.

Я шла и шла вперед. Туда, где уже светлело небо и виднелись очертания города. Мне оставалось добраться до него, пройти насквозь, потом пройти еще немного – и там будет станция. Я повторяла это про себя снова и снова, игнорируя боль в стертой ноге, перекладывая из руки в руку чемодан и отчаянно желая только одного: остановиться, лечь прямо на землю и уснуть. А город с каждым моим шагом как будто отодвигался немного дальше, и от несправедливости снова хотелось плакать. Потом я и вовсе заподозрила, что это не город отодвигается, а я топчусь на месте.

Когда из-за горизонта выполз краешек солнца, я вдруг очень отчетливо поняла, что переоценила свои силы. Мне не добраться до станции. Я валилась с ног от усталости, проголодалась, дремала прямо на ходу, каждое движение требовало от меня невероятных усилий, но почти не приближало к цели. Я больше не могла поддерживать себя фантазиями, мысли в голове превратились в нечто среднее между кашей и киселем, проносились отрывками образов, как

сновидения.

Я поймала себя на том, что вспоминаю поездку с генералом на мотоцикле. Ощущение стремительного полета, скорость, ветер в ушах, рев мотора... Вот бы его сюда – я бы мигом домчалась до станции.

Потом я поняла, что рев мотора мне не вспоминается и не снится, а слышится. Здесь и сейчас. Я остановилась и медленно обернулась. Очень медленно, словно нехотя, потому что мне действительно совершенно не хотелось встречаться лицом к лицу с неприглядной истиной: я пропустила приближение опасности.

Повозка уже была видна, а значит, тем, кто внутри, хорошо была видна я. Беспомощно оглянувшись по сторонам, я поняла, что бежать некуда. Поле тянулось до горизонта справа и до кромки далекого леса слева. А по дороге не уйти: повозка на двигателе всяк едет быстрее.

Но сдаваться Нейбу – а я почему-то не сомневалась, что в повозке меня догоняет именно управляющий – не хотелось. В отчаянии свернула с дороги и бросилась бежать через поле к лесу, хотя понимала, что это не спасет. Почти сразу пришлось бросить чемодан, а мгновения спустя я услышала резкий окрик:

– Стоять!

И следом что-то громыхнуло. Так грозно и так громко, что я не смогла определить, откуда взялся такой звук. Подумать оказалось некогда: за звуком удара по земле прокатилась дрожь, а стоило мне почувствовать ее, я замерла на месте. Как будто кто-то крепко схватил меня за лодыжки, удерживая на месте, а я вся – окаменела. Даже дышать стало трудно.

Застыв как статуя, я обессиленно ждала, не имея возможности оглянуться, пока господин Нейб не появился в поле моего зрения. А следом за ним меня обошел и Глен, который выглядел еще бледнее, чем обычно. Он держал в руках мой чемодан.

– Так-так-так, – протянул управляющий, вставая прямо напротив меня и складывая руки на трости. – И куда же мы бежим, а?

Я смотрела на него с ужасом и безысходностью, понимая, что попытка провалилась и теперь меня не ждет ничего хорошего. Вероятно, порка, избиение и изнасилование, которыми пугала Галия, еще покажутся цветочками.

– Что, язык проглотила? – повысив голос, спросил Нейб. – Не прикидывайся, эта штука только лишает возможности двигаться, но не говорить.

Сообщая это, он приподнял трость. И, видимо заметив мое недоумение, милостиво пояснил:

– В том, чтобы работать на мага-стихийника, есть свои плюсы. К работе прилагаются артефакты, заряженные магией хозяина. И это не все, что умеет моя трость. Так что отвечай, дрянь, на кого ты работаешь и что вы задумали?

От такого поворота допроса я окончательно потеряла дар речи, без всякой магии. О чем он вообще говорит?

Нейб тем временем демонстративно приподнял трость, явно собираясь пустить ее в ход снова, и я испуганно выпалила:

– Ни на кого!

– Ответ предсказуемый, но неверный, – процедил управляющий сквозь зубы. – Глен.

Он не сказал больше ни слова, но лакею этого и не требовалось: он проворно расстегнул мой чемодан и просто высыпал все содержимое на землю. Нейб поворошил одежду тростью: платья, белье, чулки – все раскидал по сторонам, словно искал что-то. Но не нашел.

Я стиснула зубы от досады и обиды. Конечно, я отобрала для побега самые любимые и самые удобные из имеющихся у меня вещей.

– Значит, сама ничего с собой не взяла, – констатировал Нейб. – Или оно не в чемодане.

Он шагнул ближе и засунул руку мне в карман. Сначала в один, потом в другой. Из второго и вытащил ожерелье и деньги.

– Сувенир на память, надо полагать? – усмехнулся издевательски, перекладывая найденное себе в карман. – А откуда столько денег? Снова скажешь, что ни на кого не работаешь? Кто их тебе дал тогда?

Я промолчала, поскольку поклялась Галии не выдавать ее. Управляющий долго сверлил меня взглядом, но, так и не дождавшись ответа, скользнул им ниже.

– Может быть, у тебя еще что-то припрятано, а?

Он потянулся рукой к пуговицам платья. Оно застегивалось под самое горло и расстегивалось почти до пояса, поэтому его было очень удобно надевать и снимать. Нейб принялся расстегивать его пуговицу за пуговицей, внимательно следя за моей реакцией.

А что я могла сделать? Не то, что его руку оттолкнуть, а даже собственные сжать в кулаки не получалось. Я смогла лишь закусить губу и опустить глаза, тяжело дыша. Было мерзко, обидно и страшно.

Расстегнув все пуговицы, Нейб обшарил мою грудь в поисках чего-то, спрятанного за пазухой или в нижнем белье. К счастью, из-за онемения я почти не чувствовала его прикосновений, а потому, закрыв глаза, смогла достаточно дистанцироваться от происходящего.

– Опять ничего. Значит, что-то должны были забрать твои сообщники. Что это? Зачем они приходили?

Он грубо схватил меня за подбородок и поднял голову, пытаясь поймать взгляд, но я только крепче сжала веки, окончательно переставая понимать происходящее.

– Молчишь? Ладно, разберемся с тобой дома. Сам генерал Шелтер и разберется. Глен, тащи ее к машине.

Отдав приказ, управляющий первым поковылял обратно к повозке. Конечно, не потрудившись застегнуть обратно ряд мелких частых пуговиц.

Глен бросил на землю чемодан, перехватил меня за талию и потащил, как огромную куклу. Мои вещи остались лежать на земле, а по дороге с меня слетели и туфли. К глазам снова подступили слезы, но на этот раз я не позволила им пролиться. Перед Нейбом и Гленом я плакать не хотела.

Глава 4

Оцепенение сошло еще в повозке, но зашевелилась я только тогда, когда впереди показался особняк генерала Шелтера: потянулась дрожащими руками к пуговицам платья. В доме, несмотря на ранний час, повсюду горел свет, а значит, вся прислуга уже разбужена. Похоже, мой побег наделал много шума, чего я никак не ожидала.

Как вообще его обнаружили? Я была уверена, что у меня есть время как минимум до завтрака. И то я сейчас спускалась к нему сама, поэтому меня хватились бы только тогда, когда поняли бы, что я так и не появилась на кухне. Но сейчас было еще слишком рано, обычно в это время не вставала даже Галия. А ведь сначала меня искали бы по дому.

Если только сама Галия меня и не выдала тому же Нейбу, испугавшись последствий своей внезапной доброты. Нет, об этом мне думать не хотелось.

К дому пришлось идти самой по холодным камням лестниц и площадки перед входом. Конечно, за день все разогревалось достаточно сильно, но сейчас, в рассветный час, казалось ледяным.

В холле нас ждали и Морроу, и госпожа Холт, и даже Мария. Галию я заметила не сразу, она пряталась в дверном проеме, и по испугу на ее лице я поняла, что это не она меня выдала. Я едва заметно качнула головой, пытаюсь дать ей понять, что про нее я ничего не сказала.

Дворецкий печально хмурился, а экономка стояла в холле с каменным лицом, как портрет самой себя, зябко кутаясь в ночной халат.

Никто не проронил ни звука, пока я шла под конвоем Нейба и Глена к широкой главной лестнице.

Меня отвели в комнату, где и заперли. На прощание, уже когда лакей вышел, Нейб повернулся ко мне, самодовольно усмехаясь.

– Я же говорил, что доберусь до тебя. Генерал Шелтер узнает обо всем в ближайшее время. Он сам решит, что с тобой делать.

Заявив это, он вышел из комнаты, тяжело опираясь на свою трость. А я, стянув с кровати покрывало, закуталась в него, поскольку успела замерзнуть, и забралась с ногами на свой любимый подоконник. В саду уже вовсю чирикали ранние птички, становилось все светлее – начинался новый день, но было ощущение, что для меня он не наступит. Я навсегда останусь в безысходности ночной дороги где-то между домом генерала и железнодорожной станцией, на пути к спасению, до которого не добраться.

Я чувствовала себя опустошенной. Столько сил потрачено – и все впустую. Именно этого я боялась когда-то, оставаясь в Оринграде, хотя мечтала уехать. Я боялась провала, боялась, что ничего не получится и мне придется с позором вернуться домой. И вот теперь я пережила этот позор в миниатюре. Только, вероятно, последствия окажутся куда более серьезными. Как там сказала Галия? Самое малое – высекут. Меня пугало не это. Пугало, что ветер велел бежать, а я не смогла. Что теперь меня ждет?

И о чем же все-таки говорил Нейб? О каких-то сообщниках, о чем-то, что они взяли, а могла взять я... Для меня это звучало как бред.

Свет на эту загадку пролила Мария, которая пару часов спустя принесла завтрак. Было видно, что ее обуревают противоречивые эмоции: с одной стороны, она уже привыкла сплетничать со мной, с другой – теперь я вроде как находилась под арестом господина Нейба и со мной не следовало обсуждать происходящее в доме.

Однако желание посплетничать победило.

– Ночью кто-то пробрался в дом, – почти шепотом сообщила она, когда я в третий раз спросила, что случилось, пока меня не было. – Господин Нейб сказал, что это были трое отступников. Ему то ли не спалось, то ли его что-то разбудило, но он поймал их на том, что они шарят по дому. Не знаю, что они искали. Когда их заметили, они поторопились улизнуть.

Я нахмурилась, услышав это. Трое магов-отступников сбежали, столкнувшись с управляющим-калекой, который не владеет магией? Это казалось мне маловероятным. Или они просто успели найти то, за чем пришли, и потому поторопились улизнуть? Что им вообще было нужно?

Следом до меня дошло, что именно поэтому Нейб говорил о моих сообщниках.

– Он что, думает, я связана с ними? – пробормотала вслух, сама того не заметив.

– Согласись, это странное совпадение: ты здесь жила-жила, все было хорошо, а потом вдруг даешь деру... И в эту же ночь кто-то врывается в дом и шарит по нему. Это подозрительно.

Я кивнула. Действительно, это было более, чем подозрительно. Я бы даже сказала, что таких совпадений не бывает.

– А их еще кто-нибудь видел? Кроме господина Нейба? – спросила я, сделав глоток кофе. Еда в горло не лезла, но к хорошему утреннему кофе я в доме генерала Шелтера успела пристраститься.

– В смысле? – удивилась Мария. – Не знаю, вроде нет. Он сначала их прогнал, а потом поднял тревогу.

– Вот оно что, – тихо протянула я.

После небольшой паузы Мария громко охнула.

– Ты думаешь, он соврал? Зачем ему это?

Очень хороший вопрос. Зачем? Затем, что он с самого начала был негативно ко мне настроен. Думал, что я создам ему проблемы. Генерал ошибся, а я тогда все услышала и поняла правильно: Керам Нейб действительно считает, что я могу помешать ему. Поэтому он и воспользовался моим побегом, чтобы подставить меня. И теперь расскажет Шелтеру, что это я привела в дом отступников, а сама сбежала от греха подальше. Поверит ли ему генерал? Вспомнит ли о том, что рассказала я? Когда на весах окажется мое слово против слова человека, которого он знает дольше и которому по какой-то причине безгранично доверяет, что перевесит? Глупо даже задаваться таким вопросом...

- Мира? - позвала Мария, не дождавшись ответа.

Я уже собиралась поделиться с ней опасениями насчет управляющего (пусть хоть кто-то еще знает!), но вдруг повернулась ручка двери, и на пороге комнаты показалась госпожа Холт. Сегодня еще более мрачная и строгая, чем всегда.

- Мария? Что так долго? Тебе не обязательно ждать, когда она поест. Придешь за подносом позже.

Мария испуганно вздрогнула, опустила глаза, быстро присела в книксене и, пробормотав тихое извинение, торопливо ушла.

Госпожа Холт посмотрела на меня. По ее взгляду было невозможно понять, что она думает, но я постаралась выдержать его. Пусть знает, что мне нечего скрывать! Что я ничего не замышляла против хозяина дома, только пыталась вернуть себе свободу.

Так ничего и не сказав, экономка закрыла дверь. В замке дважды повернулся ключ, а я снова осталась наедине со своими мыслями. И многочисленными вопросами.

Например, как Нейб узнал о моем побеге? Догадался о том, что я задумала, во время нашей дневной стычки и просто ждал? Увидел случайно, как и Галия? Потом разбудил по тревоге дом, разыграл сцену допроса перед Гленом...

Почему он сказал именно про отступников? Было бы проще поверить в то, что он смог спугнуть обычных людей, а не магов. Может быть, для того, чтобы Шелтер связал это с нападением в лесу?

Интересно, что станет делать генерал? Явится лично или просто велит наказывать меня, не разбираясь? Судя по газетам, Магистрат пока не успел начать новую войну, но уже активно ссорился с еще одним соседом на юге. Вероятно, Шелтер сейчас проводит разведку и разрабатывает стратегию. Вполне может отлучиться на денек, особенно, если ему откроет портал маг.

Если приедет, выслушает ли он меня? Или решит заодно исполнить брошенную на прощание угрозу, и она станет частью моего наказания? А что потом? Нейбу я мешаю, значит, он хочет избавиться от меня, убрать из дома. Посоветует генералу продать меня другому хозяину? Или сразу в бордель?

Я удивилась тому, с каким безразличием думаю обо всем. Когда я только попала в Магистрат, подобные мысли вызывали у меня панику, граничащую с истерикой, а сейчас... Сейчас я ничего не чувствовала. Устала бояться? Не верила в то, что Шелтер так со мной поступит? Часть меня продолжала думать, что его поведение в последний день было спровоцировано чем-то, имело оправдание или хотя бы объяснение. Мне отчаянно хотелось верить, что генерал испытывает ко мне если не настоящую любовь, то хотя бы какую-то привязанность, которая даст мне время оправдаться.

Надо обратить его внимание на то, что будь я заодно с отступниками, я бы не стала бежать пешком, они ведь могли просто забрать меня с собой через портал. И на то, что ничего не пропало... Впрочем, нет, это опасно, Нейб мог что-то и спрятать. Тогда на то, что я просто не знаю ни одного отступника, неоткуда мне их знать!

Я вздохнула, пряча лицо в ладонях. До раздирающей боли в груди хотелось снова увидеть Шелтера. Оказаться в его объятиях и тихо, спокойно рассказать обо всех подозрениях, прижимаясь щекой к грубой ткани мундира. Чтобы он терпеливо слушал, утешающе поглаживая по волосам, плечам. Возможно ли это еще? Я не знала.

И не могла найти ответа на главный вопрос: почему ветер так настойчиво велел бежать именно этой ночью? Мог ли шепот обмануть? Ведь получается, что это именно он помог Нейбу оклеветать меня.

Глава 5

Под арестом я провела ровно два дня. Теперь еду мне приносила только госпожа Холт, а пытаться разговорить ее не было никакого смысла. Поэтому я сидела в одиночестве и полной изоляции, не имея ни малейшего понятия, что происходит за стенами моей «тюрьмы». Даже погулять меня не выпускали.

Время тянулось невыносимо медленно. Я металась по комнате и нервно грызла ногти, после чего часами сидела на подоконнике, глядя в сад, ничего не чувствуя и не желая двигаться, только крутила в голове одни и те же мысли.

Вечером я подолгу лежала без сна. Поэтому, когда на вторую ночь из приоткрытого по причине постоянной жары окна донеслось эхо тарахтения повозки, я его сразу услышала. Меня подкинуло на кровати, все следы сонливости моментально слетели, стоило сердцу взволнованно удариться о грудную клетку.

Из моих окон площадку перед домом не было видно, но в ночной тишине я услышала приглушенные мужские голоса и поняла, что генерал все-таки предпочел приехать и разобраться в произошедшем лично. Только я не знала, хорошо это или плохо.

Голоса довольно быстро растворились в тишине: видимо, Шелтер и встретивший его Нейб (или Морроу?) не стали задерживаться на улице, сразу прошли в дом. Я тревожно оглянулась, посмотрела на дверь, ожидая, что она вот-вот откроется. В комнате горела лишь прикроватная лампа, которую я зажгла, выскакивая из постели, но ее света хватало, чтобы уверенно видеть ручку. Та не шевелилась.

«Нейб рассказывает ему свою версию событий», – с ужасом и отчаянием осознала я. Вот почему Шелтер так долго не идет. Сейчас управляющий его убедит – и мне даже рта не дадут раскрыть. Понять-то я это поняла, но сделать ничего не могла: дверь заперта, мне не выйти и никак не перехватить генерала. Оставалось только стоять у окна и безропотно ждать своей участи.

Наконец в коридоре слышались шаги. Стремительные, уверенные. Они стихли у самой двери, и мне показалось, что между этим событием и поворотом ключа в замке прошла целая вечность, хотя, возможно, на самом деле – пол-удара

сердца.

Дверь открылась, вошел генерал. В повседневной форме, с каменным лицом и ничего не выражающим взглядом. Спокойно закрыв за собой дверь, он сделал несколько шагов ко мне и остановился примерно на середине комнаты, сцепив руки за спиной.

– Я слушаю, – тяжело уронил Шелтер, сверля меня ледяным взглядом.

– Что? – хрипло уточнила я, слишком подавленная его грозным видом и уже не ожидавшая, что мне дадут высказаться.

– Что ты можешь рассказать мне о случившемся. Почему решила сбежать? Где взяла деньги?

Я растерялась, поскольку готовилась отвечать на совсем другие вопросы. Шелтер сделал еще пару шагов, сокращая расстояние между нами. Отступать назад было некуда: за моей спиной находилось лишь раскрытое окно, а нырять в него вниз головой совершенно не хотелось. Поэтому я попыталась скользнуть в сторону, но поняла, что сделала только хуже: теперь за моей спиной оказалась стена.

– Генерал Шелтер, клянусь вам, я не замышляла против вас ничего дурного, – выпалила, просто чтобы не молчать. Ведь на его вопросы положено отвечать. – Не вступала в сговор с отступниками или с кем-то еще. Я ничего не знаю о проникновении в ваш дом, если оно вообще произошло.

– Разве я спросил тебя о сговоре, отступниках и проникновении в мой дом? – Новый вопрос он почти прорычал, тихо и угрожающе. Расстояние снова сократилось. – Почему ты решила сбежать?

Еще несколько его шагов – и я окажусь в ловушке. Ища выход из ситуации, я скользнула взглядом вдоль стены, просчитывая, успею ли добраться до ванной комнаты. Глупая затея, конечно. Уж если Нейб смог заставить меня окаменеть артефактом, то самому Шелтеру это и вовсе не составит труда. Да даже если добегу... Разве остановит его такая дверь?

Узнать наверняка я не успела. Едва подумала о маневре, как Шелтер сыграл на опережение: в два шага оказался рядом, на расстоянии вытянутой руки. Почему-то только теперь я вспомнила, что на мне одна лишь ночная сорочка, которая скрывает меньше, чем демонстрирует.

Я выставила перед собой руки как последнюю надежду остановить генерала, но он грубо перехватил их за запястья и прижал к стене чуть выше моей головы, вдруг оказавшись почти вплотную. Меня вновь окутало его запахом и теплом, но сейчас такая близость скорее пугала. Потому что вблизи стало видно: Шелтер едва сдерживает рвущуюся наружу ярость. Он тяжело дышал, темные глаза сверкали молниями, зубы стискивались, а губы сжимались в тонкую линию.

– Что, настолько была противна мысль оказаться в моей постели, когда вернусь? – спросил Шелтер тихо и хрипло.

Его лицо замерло в нескольких сантиметрах от моего, прерывистое дыхание обожгло кожу, и на мгновение мне стало по-настоящему страшно. Показалось, что сейчас он просто переломит меня, свернет шею или порвет в клочья. От злости.

Но когда Шелтер заговорил снова, страх резко схлынул, как откатывается назад только что набежавшая на берег волна:

– Что тебе еще от меня нужно, а? Я готов был дать тебе все, что мужчина может дать женщине: красивый дом, чудесный сад, платья, украшения, развлечения... Стабильность, покой, защиту. Делай, что хочешь, живи, как нравится. Пальцем ведь тебя не тронул, был готов ждать, пока ты привыкнешь, созреешь, увлечешься... Я ведь не старик, не урод, не извращенец, тебе было бы хорошо со мной. Тебе этого мало? Обязательно нужна свобода? Официальный брак? Не могу я их тебе дать, понимаешь? Не в моей власти. Я же не Магистр... Это не повод бежать в никуда. Ты вообще представляешь, что с тобой сделали бы, если бы поймали? Я уже не смог бы тебя защитить, бестолочь ты неблагодарная.

У меня перехватило дыхание: столько горечи слышалось в его словах. Горечи и обиды, а еще немного – ужаса. Кажется, об отступниках он совсем не думал.

– А теперь я должен наказать тебя, понимаешь? Выволочь из комнаты и выпороть, так чтобы все видели. И заодно того, кто тебе помог. Где ты взяла

деньги? Кто их тебе дал?

– Никто, – выдохнула я с трудом, только сейчас замечая, что меня колотит крупной дрожью.

– Тогда откуда они у тебя?

– Сама взяла!

– О, значит, ты еще и воровка... Прекрасно! Ты вообще не осознаешь, девочка, в какое положение меня поставила. Что теперь прикажешь мне делать? Наказать всех слуг в доме? Назначить кого-то одного? Или выпороть тебя, а потом отправить на каторгу за воровство? Знаешь, что с тобой там сделают охранники? Будешь жалеть, что не в бордель попала.

Снова каждое слово било наотмашь. Еще хуже становилось от того, что генералу самому было больно их произносить, сегодня я это чувствовала. Он гораздо лучше меня понимал перспективы. А запястья уже ныли так, что становилось понятно: останутся синяки. Но это, судя по всему, сейчас было самой маленькой из моих проблем.

Я резко втянула воздух, шмыгая носом, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза, то ли от боли, то ли от страха, то ли от обиды. Но все же смогла не разреветься, а выдавить:

– Делайте, что должны, господин генерал, но я повторю: деньги взяла сама. Да, я воровка. Воровка и беглая рабыня. Только, пожалуйста, не думайте, что я от вас бежала. Я другого боялась.

Жесткая хватка в одну секунду ослабла, Шелтер выпустил мои запястья, но не отодвинулся ни на сантиметр, его ладони просто уперлись в стену по обе стороны от меня. Я опустила руки, обхватывая себя за плечи, одновременно пытаюсь прикрыться и утешиться. Шелтер продолжал прожигать меня холодным взглядом, но его дыхание постепенно успокаивалось.

– А если бы созналась, – произнес он неожиданно ровно, – отделалась бы только поркой. Не реви, милая. Все это случилось бы, только если бы тебя поймали.

Скажи спасибо Нейбу: он вовремя тебя вернул. Если бы ты попала в полицию, я бы ничего не смог сделать. Особенно если бы ты заявила им, что украла деньги. Закон есть закон, никто не посмотрел бы, что ты моя награда. Тебя у меня забрали бы.

Я недоуменно посмотрела на него: на едва заметную горькую усмешку на губах, тревожную складку на лбу. Поймала неожиданно усталый взгляд, торопливо вытерла глаза и снова шмыгнула носом.

- Значит, вы не будете меня наказывать?

- Не буду. В моем доме никто этого не ждет, а никто чужой не узнает. Галии я передам, что ты ее не выдала. Полагаю, она тебя еще больше любить станет. Между прочим, она сразу прибежала виниться, что сама тебе денег дала, я едва в двери войти успел.

- То есть вы не думаете, что я вступила с кем-то в сговор против вас?

Его усмешка стала более заметной и менее горькой, складка на лбу разгладилась.

- Прости, милая, - вздохнул Шелтер, - но на коварную шпионку ты не тянешь. Керам просто очень мнительный. И плохо тебя знает.

Я сомневалась, что дело в этом, но сейчас у меня просто не хватило бы сил спорить. Дрожь постепенно отпускала, но одновременно все тело становилось ватным. Мне казалось, что вот-вот я сложусь пополам как тряпичная кукла. Сейчас меня держал лишь взгляд Шелтера, в котором окончательно исчезли молнии, зато вновь разгорелся огонь, который генерал даже не пытался скрыть. Усталость отступила на второй план, но никуда не делась.

- И вы не... - я смущенно осеклась, не зная, как спросить о главном. - Вы не будете... то что обещали...

- Насиловать тебя в духе Магистра? - холодно уточнил он. Но тут же его тон смягчился: - Мира, если бы я действительно собирался, я бы это сделал еще перед отъездом. Никто никуда меня не вызывал. Просто я ляпнул сгоряча, а

потом от греха подальше уехал в свой столичный дом, там и провел последний день отпуска.

- Но почему?

Он вздохнул, оттолкнулся от стены и отступил на шаг назад, восстанавливая между нами дистанцию. Его взгляд на мгновение скользнул вниз, но тут же вернулся к моему лицу.

- Потому что меня тоже можно обидеть, милая. Особенно если назвать подлецом и мерзавцем и заявить, что тебе было бы лучше у Магистра.

Я не выдержала, опустила глаза. В его тоне и сейчас прозвучала обида. Видимо, в тот день я ее не заметила, слишком глубоко погрузившись в собственную боль.

- Простите, это было несправедливо с моей стороны, - пробормотала я. - На самом деле я так не думаю.

- Неужели?

Я снова вскинула голову и посмотрела на него, глаза в глаза.

- Генерал Шелтер, я, безусловно, не так умна и образована, как вы, и порой веду себя глупо, но я не совсем уж дура. Я прекрасно осознаю, что мне следует каждый день благодарить Тмара за то, что во всей этой ситуации, в которой я оказалась, мне повстречались вы. И я благодарна, действительно благодарна.

- Благодарна... - повторил он за мной с ноткой разочарования в голосе. - Хороша благодарность.

Его голос прозвучал ровно, но я откуда-то знала, что Шелтер не испытывает и половины того спокойствия, какое пытается демонстрировать. Истинное состояние отражалось в его глазах: разочарование переплеталось с волнением. Или мне только так казалось?

- Просто я почувствовала себя преданной, - попыталась объяснить я. Голос прозвучал жалко и тихо.

– Из-за того, что я не остановил Винта, – скорее констатировал, чем уточнил он, но я на всякий случай кивнула, добавив:

– И из-за того, что вы сказали ему, когда я вышла...

– Мира, никогда не слушай, что я говорю другим, – быстро и резко перебил Шелтер. – Пойми, мое положение накладывает на меня некоторые... ограничения. Иногда я вынужден вести себя так, как того ожидают окружающие, это не всегда зависит от моего настоящего мнения или желания. Или того, как я на самом деле чувствую. Я не могу тебе сейчас объяснить, почему так. Просто прими как данность, что существует ряд обстоятельств, с которыми мне приходится считаться. Это не оправдывает меня, понимаю. И мне очень жаль, что тебе пришлось пройти через это. Но если бы ты дала мне объяснить...

Он вдруг осекся, вздохнул и покачал головой, глядя на меня.

– Впрочем, неважно. Просто знай, что я никогда не позволю ничему настоящему плохому случиться с тобой. Я, наверное, мог бы предотвратить и это, но я не ожидал, что Винт позволит себе зайти так далеко. Обычно он ведет себя скромнее, видать, был сильно пьян.

Мне стало немного легче. Фактически он подтвердил, что притворялся не со мной во время нашей поездки, а со своим армейским приятелем. Однако вслед за облегчением я сразу испытала болезненный укол в самое сердце: даже если так, это не меняет очень важного для меня обстоятельства.

– Но то, что вы сказали тогда на террасе, ведь правда? Я могу быть при вас только наложницей, верно?

Пришла его очередь отводить взгляд, а я каким-то образом нашла в себе силы изобразить нечто похожее на улыбку.

– Вы правы, с моей стороны было очень глупо надеяться на то, что для нас может существовать другой вариант, – дрогнувшим голосом признала я. – Или что вы этого можете хотеть. Мне стоит сказать «спасибо» за то, что вы потратили время и силы, чтобы я сама захотела быть с вами. И, видит Тмар, я

хотела.

– Теперь уже не хочешь? – с новой печальной усмешкой уточнил Шелтер.

Я заставила себя отлипнуть от стены и шагнуть к нему, снова убивая расстояние между нами. Рука сама собой потянулась к его лицу, погладила по щеке. Улыбка дрогнула, но не погасла, даже голос не подвел, хотя и прозвучал более хрипло, чем обычно:

– Знаете, я так долго вас ждала. Несколько лет. Ветер обещал мне вас еще тогда, когда умерла моя мать. Восемь лет я засыпала и просыпалась с мыслью о мужчине, который однажды придет и изменит мою жизнь, увезет прочь. Спасет меня и от отца, и от Оринграда. Вы спрашивали, почему я не вышла замуж. Так вот, из-за вас. Я верила в вас так сильно, что отказывала женихам снова и снова, старалась не бояться того, к чему это ведет. Пыталась представить, кем вы будете и каким, но даже в самых смелых фантазиях мне никогда не являлся мужчина вроде генерала Оллина Шелтера, национального героя Варнайского Магистрата, богатого, красивого и знаменитого на всю свою страну. Знаете, так бы было хорошо, если бы вы действительно оказались просто охранником при деловом господине.

Я замолчала. К первой руке добавилась вторая, и теперь я уже держала его лицо в ладонях, чувствуя кожей шершавость вечерней щетины на щеках, то и дело касаясь подушечками больших пальцев слегка обветренных губ. Так хотелось поцеловать их, вновь забыть обо всем, но что-то держало.

И что-то держало самого Шелтера. Он не шевелился и молчал, словно чувствуя, что я еще не закончила.

– Потому что даже в самом страшном кошмаре мне не могло привидеться, – продолжила я с трудом, – что ветер имел в виду судьбу наложницы.

Только тогда руки Шелтера скользнули вокруг моей талии. Такие горячие, что я чувствовала их тепло даже сквозь ткань сорочки. Они прижали меня к нему, и я успела подумать, что тонкий шелк вообще ничему не служит преградой: я ощущала кожей грубую ткань военной формы почти так же явно, как если бы прижималась к ней обнаженной.

– Не все ли равно, как это называется, Мира? – почему-то прошептал он. – Жена, любовница, наложница? Твои родители были женаты, их союз освятил твой бог, но разве это сделало счастливой твою мать? Или тебя? Моя мать стала случайной любовницей моего отца всего на несколько дней, после чего больше его не видела, он даже не узнал о моем рождении, но она никогда ни о чем не жалела. У тебя будет все. Все, что я могу дать женщине. Даже если бы ты могла стать моей женой, я бы не смог дать тебе больше.

Его голос звучал очень эмоционально и очень искренно. Генерал действительно не видел разницы, я не сомневалась. И мне очень хотелось поверить в иллюзию вместе с ним, но слишком уж яркими оставались воспоминания о том, как майор Винт потянул меня за руку, усадил к себе на колени и принялся трогать там, где не должен был. Я помнила ощущение беспомощности и тишину за спиной, которую не могла понять.

– Неужели? – мне удалось скопировать и его тон, и его усмешку. – Но разве вы когда-нибудь позволили бы своему сослуживцу лезть под юбку вашей законной жене? Разве ваше положение вынуждало бы вас молчать?

Шелтер вновь опустил глаза, отводя взгляд. Его руки, обнимающие меня за талию, перестали делать это так крепко.

– Наверное, ради возможности быть с вами я могла бы смириться с тем, что ваши гости будут иметь право унижать меня, – призналась я. – Мне разное приходилось терпеть в жизни, вытерпела бы и это. Но что потом? Если я понесу, ваше положение обяжет вас отправить меня к магу или обычному врачу?

Меня тут же снова обожгло его взглядом.

– Конечно, нет! – отрывисто бросил он. – Ты забыла, кто я сам? Мой ребенок обязательно родится, в браке или нет...

– Чтобы жить с клеймом бастарда от рабыни? – перебила я, мгновенно остужая его пыл. Хотя не скрою, сердце радостно дернулось в груди, когда я увидела его первую реакцию. – А дальше? Однажды ваше положение заставит вас жениться и обзавестись законным наследником, а что будет со мной и с возможным ребенком? Вы отошлете нас куда-то или мне придется смотреть на то, как вы живете с женой, а ей – терпеть меня?

– Я не планирую жениться, и мне не нужны наследники, – попытался возразить Шелтер, но я лишь покачала головой.

– Это вы сейчас так говорите, а что будет через пять лет, никто из нас не знает.

– Обычно я даже не знаю, будут ли у меня эти пять лет, – хмыкнул Шелтер.

После чего на мгновение снова прижал к себе крепче, целуя в лоб, и выпустил из объятий. Перехватил мои ладони, отнял их от своего лица, сжал в руках и быстро поцеловал тыльную сторону.

– Я все понял, Мира. Значит, будет так. Неволить не стану. Но и ты, уж будь добра, не беги. Поверь, будет только хуже, сама ты до Замбира никогда не доберешься. Поживи пока здесь, может быть, я смогу что-то придумать для тебя. А Керам не бойся. Ты от него ведь бежала?

Я медленно кивнула, думая совсем о другом, о сказанном только что. Наверное, в глубине души я надеялась, что он будет настаивать. Что-то придумает. Заговорит о чувствах. А он только отступил назад. Меня снова кольнуло разочарованием.

– Он что-то замышляет против вас, – с трудом переключаясь, произнесла я. – И я ему мешаю. Пожалуйста, господин генерал, прислушайтесь ко мне.

– Забавно, как вы оба обвиняете друг друга, – улыбнулся Шелтер. – Он так же свято уверен, что это ты замышляешь против меня. Ничего не бойся, Мира, здесь тебя никто не обидит. Даже Керам. Я поговорю с ним.

– Но подумайте сами, господин генерал, как он мог прогнать троих отступников? – с нажимом спросила я. – Он же наверняка солгал, чтобы оговорить меня! И ветер... – я осеклась, но поздно.

– Что – ветер? – насторожился Шелтер.

– Ветер шептал мне, – призналась я. – Велел уходить именно той ночью. Он как будто бы с ним заодно. Или господин Нейб как-то подделал шепот ветра, я не знаю...

– Мира, он на такое не способен, поверь мне. Керам... Ему не нужно придумывать такие сложные схемы, чтобы уничтожить меня, он может сделать это в любой момент.

От этого признания мне вдруг стало очень холодно и страшно. А Шелтер добавил:

– Он не прогнал отступников. Просто спугнул их. Полагаю, им велели проникнуть в мой дом незаметно. Они что-то искали, но не нашли. Когда их заметили, постарались как можно скорее исчезнуть. Но больше они сюда не сунутся, я об этом позабочусь.

– Вы надолго останетесь здесь? – с надеждой спросила я.

Может быть, все-таки обойдется без войны? Хотя бы какое-то время, и Шелтер сможет еще немного побыть дома?

– Нет, милая, – вздохнул он. – Я должен возвращаться немедленно. Мы готовимся выступить против Палии.

– Тогда скоро вы вернетесь?

Он снова покачал головой.

– В этот раз быстрой победы не получится. Будет много крови. Мы не готовы к этой войне, но Магистр требует. Так что... Твое желание имеет все шансы сбыться. А ты имеешь все шансы получить свободу.

– Зачем вы так? – едва слышно спросила я. – Вы же прекрасно знаете, что я сказала те слова сгоряча. Вы ведь всегда знаете, что я на самом деле думаю и чувствую. Вы не можете не понимать, что я все равно буду вас ждать.

– Нет, я не всегда знаю, что ты на самом деле думаешь и чувствуешь, – только и ответил на это Шелтер. – Береги себя, Мира. Не делай глупостей.

Я думала – или просто надеялась – что он поцелует меня на прощание. Хотя бы легонько коснется губами губ, но он лишь снова быстро пробежал по мне взглядом, повернулся и быстро вышел. Я стояла, словно оцепенев, до тех пор, пока на улице не послышался хлопок двери и снова не взревел мотор.

Глава 6

Кажется, я так и не спала до самого утра, вероятно, провалилась в сон на пару часов, когда солнце уже поднялось. Проснулась от звука голосов, тархтения повозок и хлопанья дверей, долетающих с улицы в по-прежнему открытое окно. Столь явная и необычная для тихого особняка суета заставила сердце биться быстрее и прогнала всякую сонливость, хотя голова казалась странной, как будто в нее набили ваты.

Из окна удалось увидеть только несколько солдат, прошедших по тропинкам сада, но это ничего мне не объяснило. Торопливо одевшись и умывшись, я с замиранием сердца дернула дверь. Та легко поддавалась: я больше не была пленницей.

Вскоре все выяснилось. Оказывается, генерал, впечатленный дерзким проникновением в свой дом, прислал охрану: полтора десятка солдат и четырех магов. Им предстояло патрулировать периметр дома по ночам, предотвращая всякие проникновения извне. И, полагаю, заодно побеги.

Галия не очень обрадовалась необходимости готовить на такое количество человек, но я обещала ей по возможности помогать. Зато Мария демонстрировала восторг и нездоровое возбуждение в связи с появлением молодых привлекательных мужчин. Эмоции госпожи Холт и господина Морроу понять было невозможно, кажется, они вообще никак не прокомментировали событие. А вот господин Нейб прореагировал на это неожиданно благодушно. Правда, меня он теперь напрочь игнорировал.

То, что один солдат и один маг всегда находятся где-то рядом со мной, я осознала только на третий день. То ли генерал Шелтер все же отчасти поверил управляющему и велел присматривать за мной, то ли он опасался новой попытки побега, то ли особенно беспокоился о моей безопасности. Уточнить было не у

кого: едва ли телохранители-надсмотрщики признаются в своих истинных приказах. Оставалось только привыкать, а сделать это оказалось не так просто.

В остальном жизнь вернулась к прежней рутине, что одновременно успокаивало и удручало. Постепенно я понимала, что ничего другого меня больше и не ждет. Работа в саду, работа на кухне, помощь в уборке... Рано или поздно все равно придется столкнуться с тем, что генерал Шелтер приведет в дом какую-то женщину. Наложницу или жену – не так важно. У мужчин свои потребности, как верно заметила неизвестная мне девушка на вечеринке у соседа генерала. И будет удачей, если мы с ним так и останемся друг для друга несбывшейся мечтой, одним солнечным совместным днем, в который смогли забыть свои роли и быть просто собой. Наверное, в глубине души я все равно боялась, что однажды у него лопнет терпение, он захочет взять свое, а потом просто выбросит меня, как использованную вещь.

Через пару недель эти переживания были полностью вытеснены известиями о том, что Варнайский Магистрат вторгся на территорию Палии: еще одного достаточно крупного государства, которое граничило с Варнаем на севере, с Сираном на западе и Красной Пустыней на востоке. Кажется, южнее у него тоже был еще один сосед, но о нем в газетах не писали.

Там писали о том, что армия генерала Шелтера вошла на территорию Палии, приняв на себя главный удар защитников страны, а несколько дней спустя генерал Форташ открыл еще один фронт, войдя в Палию с территории Сирана. Газетчики уверяли, что победа будет быстрой и легкой, но я хорошо помнила слова самого Шелтера и больше верила ему.

В день, когда последний летний месяц перевалил за половину, я вновь читала пространную и нарочито позитивную статью, которая рассказывала о продвижении армий, а заодно о том, сколько солдат, магов и единиц боевой техники отправили на Палию. От приведенных цифр стало не по себе, и я отбросила газету в сторону. Она скользнула по гладкой поверхности стола, за которым мы когда-то сидели с Шелтером и ели клубнику в шоколаде, и едва не свалилась на пол.

– Безумие, – пробормотала я, прикрывая глаза. – Какое же безумие...

Ненасытность Магистра приводила меня в ужас. Столько людей гибло – и варнайцев в том числе – просто из-за амбиций одного человека! И никто не может его остановить, даже не пытается... Лишь один раз начали ворчать, когда Магистрат проиграл в Замбуре. А пока он продолжает победоносное шествие по континенту – все рады рукоплескать победам, не думая о том, какой ценой они покупаются. Цену этим победам понимали лишь люди вроде Галии: те, кто потерял в войнах своих близких.

– Не переживай так сильно, цифры в газетах обычно серьезно завышаются, – раздался надо мной спокойный голос госпожи Холт.

Я открыла глаза как раз тогда, когда она опустила на стол передо мной поднос, нагруженный вазочками с печеньем и вареньем, пузатым чайником, от которого исходило тепло и легкий аромат мяты, и двумя чашками.

Двумя. Я удивленно посмотрела на экономку, занявшую кресло напротив. Она проигнорировала мой взгляд и разлила по чашкам чай, протянула одну мне. Кажется, за все время моего пребывания в доме генерала мы ни разу не пили с ней чай вдвоем. Даже разговаривали редко, только по делу.

И вот теперь она принесла поднос и удобно устроилась рядом, явно предполагая почти дружеские посиделки вроде тех, что мы порой устраивали с Галией и Марией. В то же время ее лицо оставалось мрачным и сосредоточенным, а спина прямой, как всегда. И вся она казалась какой-то напряженной.

– Завышаются? – переспросила я, предлагая развить тему, поскольку она сама молчала.

Холт кивнула.

– Да, Оллин мне как-то объяснял, что они не имеют ничего общего с истинным положением вещей. Не потому, что газетчики не в курсе, а потому, что выдавать точные цифры им запрещено. Они их завышают, чтобы свои гордились, а чужие – боялись.

Оллин. Из всей тирады, произнесенной как всегда крайне сдержанно, я уловила только это. Кажется, экономка впервые назвала при мне генерала просто по имени. Пытается дать понять, что я вторгаюсь на ее территорию? Мол, смотри,

как мы близки, я тут была раньше тебя? Не поздно ли для подобных заявлений? К чему они теперь, когда Шелтер далеко, а мне обещано, что между нами ничего не будет?

Я подняла на Холт глаза и непроизвольно вздрогнула: она сверлила меня темным взглядом, забыв о чашке в своих руках. У нее радужка была обычного карего цвета, не такая как у Шелтера, но что-то у них все-таки было общее. Что-то неуловимое, больше в выражении, чем в чертах лица.

Неожиданно экономка улыбнулась. То ли заметила мой испуг, то ли ее развеселило что-то еще. Но улыбка, к моему удивлению, оказалась мягкой, искренней, а не издевательской.

– Ты, наверное, теряешься в догадках, чего я от тебя хочу? Зачем пришла и решила поговорить?

– Да, – призналась я, не притрагиваясь к остывающему чаю. – Раньше вы не очень-то жаловали меня.

– Поверь, я не испытываю к тебе никаких негативных чувств, – торопливо заявила Холт. – Хотя признаюсь, что поначалу злилась на тебя.

Я тяжело сглотнула, понимая, что мы подбираемся к сути и, стараясь не прятать взгляд, уточнила:

– Вы ревновали?

– Оллина к тебе? – Она вдруг рассмеялась, хотя даже это она делала тихо и сдержанно. – О, боже, нет. Скорее, наоборот. Но чтобы ты поняла, ты должна услышать нашу с ним историю. Для этого я и пришла.

Я сомневалась, что хочу слышать эту историю, но сбегать точно не собиралась.

– Я вас внимательно слушаю, госпожа Холт.

Несмотря на мое приглашение, экономка не торопилась начинать свой рассказ. В ее внезапной нерешительности мне почудилась неловкость, но я все равно не

ожидала услышать того, что она сказала дальше:

– Полагаю, ты знаешь, что я появилась в его доме восемь лет назад, когда он был еще только майором. Он тогда снимал небольшую квартирку во втором круге столицы... Это не самый центр, но и не окраина. Кухня, гостиная, спальня и каморка для прислуги, но прислугой он тогда не пользовался, ему было не по карману... Или он просто предпочитал обслуживать себя сам, а деньги откладывать на что-то другое.

Она замолчала, поднесла чашку к губам, чтобы как-то оправдать паузу, а мне почему-то показалось, что солнце, ярко светившее с самого утра, вдруг стыдливо спряталось за неизвестно откуда взявшуюся тучку. По ногам потянуло холодом.

– И насколько мне известно, его все устраивало... Но он все равно купил меня у полковника Ровера.

Сердце екнуло от удивления и забилось часто-часто от нахлынувшего волнения. Купил? Вот никогда не подумала бы, что госпожа Холт может быть... рабыней! Хотя бы потому, что это несколько странно, когда невольница управляет свободной прислугой. Я-то думала, что уже начала понимать местные порядки, но они опять преподнесли мне сюрприз.

Холт оторвала взгляд от чашки и снова посмотрела на меня. Ее взглядом даже не обожгло, а как хлыстом ударило: резко, остро, больно.

– Когда-то я была как ты, – непривычно тихо сообщила она. – Невинная девица, ждавшая любви и мечтавшая о светлом будущем, верившая, что у нее все впереди. А потом на наши земли пришел Магистрат. Нет, меня не отобрали для коллекции, все было куда прозаичнее. Я приглянулась полковнику Роверу, и он забрал меня в качестве наложницы.

Громкое позвякивание снова прервало рассказ: это рука Холт дрогнула, и чашка подпрыгнула на блюдце. От греха подальше она поставила их на стол и сцепила руки в замок перед собой.

– Только мне не повезло так, как тебе. Полковник Ровер не обладал и десятой частью благородства Шелтера. Он был давно женат, его супруга успела

состариться и растолстеть, а вполне вероятно еще до того потерять интерес к нему как к мужчине. Поэтому, как только у него появилась возможность, он стал привозить себе наложниц. Молоденьких и по возможности невинных. Кто бы мне объяснил, почему для таких, как он, это столь важно? Я была у него не первой и не последней. Первую неделю своего отпуска он развлекался со мной сам. Ему нравилось, когда я кричала, плакала или умоляла не трогать меня. Его это только больше заводило. А когда я потеряла для него свежесть и новизну, он стал иногда приглашать приятелей, и они развлекались со мной уже втроем или вчетвером. У них так принято, понимаешь? Делиться. Когда я перестала плакать, кричать и сопротивляться, ему стало немного скучно, и он нашел несколько новых способов вызвать у меня нужную реакцию. Особенно ему нравилось бить меня плетью и прижигать сигаретой.

Я шумно втянула в себя воздух, когда поняла, что уже несколько секунд не дышу, и тут же испуганно зажала себе рот рукой. Но госпожа Холт не обратила на меня внимания. Теперь она смотрела только на свои сцепленные в замок руки.

– Я мечтала только об одном – умереть. Но у богов на меня были другие планы. Как и следовало ожидать, в конце концов я забеременела. Уж не знаю, от которого из них. Полковник Ровер не стал разоряться на мага, врача или зелье. Он просто избил меня. Сам. Ребенка я потеряла. Но зато и полковник окончательно потерял ко мне интерес. Он собирался продать меня в бордель, как только я снова стану выглядеть по-человечески. А пока я прислуживала у него дома, когда снова смогла ходить. Честно говоря, в тот момент мне было уже все равно, что будет со мной дальше. Я ни на что не надеялась и ничего не ждала от жизни. Пока среди гостей Ровера не появился майор Шелтер. Молодой, но делающий стремительную карьеру офицер. Я слышала, как полковник шептался о нем с другим своим приятелем. Объяснял ему, что, хотя Шелтер и сомнительного происхождения, у него явно есть высокопоставленный покровитель. Или покровительница. Поэтому с ним надо дружить.

Она снова замолчала, вздохнула, облизала пересохшие губы. Сцепленные пальцы заметно расслабились, на лице даже появилась улыбка.

– Оллин увидел меня случайно, потому что мне не позволялось выходить к гостям в том виде, в котором я была. Мы столкнулись в коридоре. Я и не думала, что он обратил на меня внимание. Но потом остальные гости разошлись, а полковник неожиданно позвал меня к себе. Точнее, к ним. Как оказалось, чтобы

показать Оллину. И тот вдруг сказал, что я ему гожусь. Из их разговора я поняла, что он попросил Ровера продать меня. Сказал, что проще один раз купить рабыню, чем нанимать служанку и платить дорогим шлюхам. А дешевыми он якобы брезгует. Еще и скидку у него выпросил, – с усмешкой добавила она. – За использованный и попорченный товар. В тот же день я отправилась к нему домой. Ровер, конечно, не отказал, тем более я уже все равно для него свое отслужила, а кому продавать – какая разница?

Ей снова пришлось прерваться, потому что мимо террасы, на которой мы сидели, прошла пара солдат. Они даже не посмотрели на нас, но разговор бы услышали, поэтому госпожа Холт дождалась, пока они скроются из вида. Только после этого продолжила:

– Первое время меня не смущало, что он не проявляет ко мне интерес. Мужской интерес, я имею в виду. Потому что в остальном он очень даже мной интересовался: заставлял есть, спрашивал, что мне нужно из вещей, объясняя это тем, что никогда раньше не отвечал за женщину и понятия не имеет о наших потребностях. Мне это казалось непривычным, но к тому времени я уже ничему не сопротивлялась. И уж тем более не стала сопротивляться заботе. Кормит ведь и одевает, а не бьет. Но когда мои синяки окончательно сошли, а он продолжал давать мне только поручения по хозяйству, мне стало не по себе. В конце концов я спросила прямо. Помню, как раз накрыла ему ужин и замешкалась, а он спросил, в чем дело. И я выпалила: «Пора ли мне уже являться в вашу спальню, господин Шелтер?» А он так посмотрел на меня... Как будто удивленно, знаешь? И спрашивает: «А ты хочешь со мной спать, Арра?» Я, наверное, просто от неожиданности ответила честно, что не хочу. И он сказал: «Тогда считаю вопрос исчерпанным. Лучше поужинай со мной, а то одному сидеть скучно».

Я удивленно моргнула. Честно говоря, когда она начала свой рассказ, я только убедилась в характеристике, которую еще в самом начале дала Мария. «Постель и постелет, и согреет». Но сейчас выходило, что второе было... несправедливо?

– То есть вы с ним никогда?.. – последние слова отказались произноситься, но госпоже Холт они были не нужны.

Она снова подняла на меня взгляд и улыбнулась.

– Что? Спала с ним? Нет, никогда. Я вообще больше никогда не была близка с мужчиной. Но это такая же тайна, как и то, что он не спит с тобой. Наверное, не все офицеры варнайской армии столь же жестоки и извращены, как полковник Ровер, далеко не все даже привозят себе наложниц, кому-то вполне хватает жен и любовниц. Но на холостого мужчину, купившего себе наложницу и ни разу не использовавшего, даже они посмотрят косо. Я говорю об этом только тебе. Остальные уверены, что когда-то я была его постельной игрушкой и оказалась достаточно хороша, поэтому теперь он обращается со мной, как со свободной, назначил экономкой, то есть поставил выше других слуг. В качестве... жеста особого расположения, скажем так.

– А почему вы решили рассказать правду мне? – задалась вопросом я и сделала это сразу вслух. Очень уж неожиданными оказались ее признания.

– Чтобы ты понимала, – в голосе Холт вновь прорезались холодные нотки. – Понимала разницу между Шелтером и другими варнайскими офицерами. Понимала, что на самом деле значит быть наложницей. И понимала, насколько это не похоже на то, что происходит между тобой и Оллином.

Я не выдержала ее взгляд, смутилась и опустила глаза.

– Он вам что, все рассказывает?

– Не все, но многое, – ее тон снова смягчился. – Знаешь, за эти годы он стал мне почти как брат. У него нет семьи, кроме меня и полковника Лингора. Я наблюдала за ним восемь лет и могу с уверенностью сказать: до тебя в его жизни не было женщины, к которой его так неудержимо влекло бы, которую он так страстно желал и которую при этом так боялся. Боялся обидеть или сломать. Я говорю тебе это все, потому что мне было больно видеть его оба последних раза, когда он уезжал отсюда. Если бы не он, меня бы давно не было в живых. Я сгнила бы в каком-нибудь борделе или наложила на себя руки, но он спас меня. Не смог вернуть мне свободу, но сделал все, чтобы я больше не чувствовала себя рабыней. Он ничего не попросил взамен, но я на все ради него готова: убью или умру, если будет нужно. Но в случае с тобой я могу только рассказать тебе о нас, чтобы ты поняла, какой он. И перестала отталкивать его. У него очень трудный путь. И ты очень нужна ему. Он не станет просить. Не станет осыпать признаниями, чтобы убедить. Не станет заставлять. Но если ты доверишься ему, то будешь очень счастлива. Потому что в нем много нерастраченной любви, подавленной обстоятельствами. Такой, знаешь, не показной, а настоящей. Он не

станет целовать землю, по которой ты ходила, но сделает все, чтобы ты никогда ни в чем не нуждалась. Найдет способ защитить тебя и твоих детей даже из могилы. Он ведь его уже нашел. Не требуй от него невозможного. С чем-то всегда приходится мириться. Не всем достается вся сказка. Но маленький кусочек счастья – это лучше, чем ничего. Поверь, уж я-то знаю.

Она говорила и не отрывала от меня пробирающего до костей взгляда. Столько в нем было отчаяния и любви к генералу, без намека на ревность. Я не выдерживала эмоций, которые он передавал, поэтому постоянно прятала глаза, но чувствовала на себе этот взгляд даже тогда, когда не видела. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее, я почти задохнулась. По коже бежали мурашки, и хотелось тоже вскочить и побежать! Не знаю куда.

Когда госпожа Холт замолчала, я осмелилась снова посмотреть на нее. Она уже расплела пальцы и взялась за дужку на боку чашки. Я, наверное, впервые так внимательно всмотрелась в эту женщину: в ее лицо, позу, наклон головы. Впервые задумалась о том, что она моложе, чем казалась мне раньше из-за черных нарядов, тугих пучков и строгого выражения лица. По крайней мере, когда она улыбалась, она сразу выглядела моложе.

Восемь или девять лет назад она была невинной девицей, мечтавшей о любви. Да ей, наверное, нет еще и тридцати! Просто ей не повезло, как мне, она попала в руки к жестокому мужчине, который безжалостно растоптал ее, искалечил душу и тело. И если тело отчасти восстановилось, то душа у госпожи Холт... у Арры осталась сломана.

Но вот она сидит напротив меня, с прямой спиной и гордо поднятой головой. Живая, любящая, искренне благодарная тому, кто вытащил ее из этого пекла, дал второй шанс. Может быть, ее раны не зажили и продолжают болеть, но она нашла в себе силы двигаться дальше. Нашла ради чего жить и чему радоваться в жизни. Пусть даже это просто красивый дом, чудесный сад и мужчина, который купил ее как рабыню, но стал ей братом.

– А что будет с вами, если генерал... – у меня хватило смелости начать вопрос, но я так и не смогла произнести «погибнет». Как будто боялась сглазить, притянуть к нему смерть.

Арра Холт медленно поставила чашку обратно на блюдце и, не поднимая глаз, ответила:

– Он обещал завещать меня господину Нейбу. Я сама так попросила.

У меня буквально глаза полезли на лоб, так спокойно она это произнесла. Кажется, у нее управляющий не вызывал ни негатива, ни опасений.

– А вы не боитесь, что он... – я снова замялась, не зная, как это поделикатнее сформулировать. – Не боитесь, что ему будет нужно от вас то, что было нужно тому полковнику.

Ее взгляд стал еще более пронзительным, чем раньше. На мгновение мне показалось, что я смотрю в глаза совсем другой женщине: столько эмоций сейчас плескалось в них. Нечто похожее я ощутила, когда заглянула в глаза Шелтеру и не увидела в них зеркального щита.

– Боюсь, что мужчинам вроде Керама Нейба это не нужно. По крайней мере, от таких, как я. Не всем мужчинам нравятся много раз использованные женщины. Но я хотя бы буду рядом с ним.

Хорошо, что я сидела, иначе наверняка упала бы. Мало того, что Арра Холт не боялась Нейба. Кажется, она была в него влюблена. Слова «влюблена» и «Нейб» для меня категорически не сочетались, поэтому я могла только бессмысленно хлопать глазами.

Холт моргнула, чуть опустила голову, нервно пригладила рукой и без того идеально зачесанные назад волосы, а когда снова посмотрела на меня, это уже опять была хорошо знакомая мне экономка: строгая, холодная и отчужденная.

– Я надеюсь, этот разговор останется между нами, – уронила она, поднимаясь из-за стола. – Но обещай мне подумать о том, что я сказала.

Мне удалось только слабо кивнуть в ответ. Когда Холт ушла, я потянулась к чашке уже остывшего чая и сделала большой глоток, пытаюсь протолкнуть вставший в горле ком.

Глава 7

Рассказ госпожи Холт ничего не изменил между нами. Уже через пару часов она вела себя так, словно ничего и не было, а через пару дней мне начало казаться, что доверительная беседа и эмоции в ее глазах мне привиделись. Только слова: «Ты нужна ему» так и звучали в ушах.

Мы продолжали следить по газетам за происходящим в Палии. Волновались абсолютно все, даже Глен перестал доставать меня, все больше молчал и угрюмо курил во дворе у дверей кухни. Господин Нейб тоже больше не прожигал меня недобрым взглядом, что казалось странным и немного неправильным.

Календарное лето закончилось. Все чаще шли дожди, ночи стали холоднее, на деревьях появлялось больше желтых листьев, но днем пока еще оставалось тепло. Война затягивалась, армии Магистрата продвигались медленно, а Палия категорически не желала сдаваться. Дворецкий Морроу считал, что виной тому монархия.

– Генерал говорит, что с ними всегда сложнее, чем со странами, где правителей выбирают, – заметил он как-то вечером, когда мы все пили чай после ужина. – Те сдаются быстрее, потому что им так и так власть отдавать через какое-то время. А эти бьются до последнего солдата, готовы всех положить, лишь бы свою честь королевскую не уронить. Поэтому не любит он идти против монархий. Чем больше такая страна, тем больше крови приходится пролить. Зачем нам только все эти земли?..

На этих словах дворецкий осекся, и я кожей ощутила, как напряглись остальные. Бросив быстрый взгляд исподлобья на сидящих за столом слуг, увидела, что каждый смотрит в свою чашку и отчаянно пытается сделать вид, что не слышал последней фразы Морроу. Это заставило меня задуматься, сколько же варнайцев на самом деле поддерживают агрессивную завоевательную политику Магистра, а сколько просто боятся высказывать вслух свое недовольство? И что было бы, если бы они все высказали его разом?

Я молилась за Шелтера, как и обещала ему в день нашей поездки. Утром, вечером, а иногда и днем. Молилась не о его победе, а о том, чтобы он вернулся домой живым и здоровым и как можно скорей. В глубине души я и не желала

ему победы. Пусть лучше его армия будет разбита, как тогда в Замбуре. Пусть Паляя отстоит свою свободу. Пусть варнайцы снова негодуют и сомневаются в своем правителе. Может быть, хоть сейчас это приведет к каким-то переменам.

Я молилась вслух, шепотом, как Шелтер и предлагал, но очень сомневалась, что поможет. В моем шепоте не чувствовалось никакой магической силы. А станет ли помогать кровавому генералу, не живущему по его законам, Тмар? Едва ли.

Как бы пристально мы ни следили за ситуацией, очень скоро выяснилось, что это событий доходит до нас с большой задержкой. По крайней мере, в тот день в газетах не было никаких тревожных новостей. Они явились в дом сами, ночью.

Сквозь сон я ничего не услышала. Проснулась от того, что меня за плечо нервно трясет Мария.

- Мира! Мира, просыпайся! Одевайся скорее, к тебе пришли.

Я не понимала, о чем она говорит, но послушно вылезла из-под одеяла и приняла из ее рук врученные белье и платье. Пока одевалась, в голове немного прояснилось. Достаточно, чтобы я начала задавать вопросы.

- Что случилось?

Мария зябко обнимала себя за плечи, кутаясь в большой цветастый платок и переминаясь с ноги на ногу, и напряженно хмурилась.

- Не знаю, - отрывисто ответила она. - Там магистр Этьен. Он пришел порталом. Кажется, что-то с генералом.

Платье я застегивала уже на ходу, торопливо шагая к лестнице. Этьен ждал меня на первом этаже, в зале с выходом на террасу. Заложив руки за спину, он мерил нервными шагами центр помещения, но услышав мое приближение, остановился и вскинул голову. Лицо его казалось непривычно бледным.

- Мастер Этьен, что случилось? - сразу спросила я, опуская приветствия.

– Тебе все объяснит Моран, – отрывисто сообщил маг, поднимая руки и чертя ими круг, который тут же начал проявляться в воздухе между нами. – Он ждет тебя на той стороне. Пойдешь одна, я истощен и не смогу переправить двоих. Меня привезет водитель.

Круг колеблющегося воздуха скрыл от меня Этьена и часть зала, сквозь дымку я смогла рассмотреть совсем другое помещение, но испуганно замерла, боясь сделать шаг вперед.

– Быстрее, мне не удержать портал долго, – прорычал Этьен.

Мария подтолкнула в спину, я шагнула вперед – и мир вокруг закружился, а меня самую слегка замутило. Я потеряла равновесие и едва не упала, но чьи-то руки удержали. Сильные, как у генерала, но не такие знакомые.

– Тише, тише, – пробормотал над ухом Моран, помогая выпрямиться. И тут же куда-то потянул. – Идем, скорее, у нас мало времени.

Я все еще была слегка дезориентирована, но послушно поплелась вперед, пытаюсь удержать на месте желудок. Где оказалась, поняла не сразу, но пока мы шли, успела узнать городской дом Шелтера.

Моран почти втащил меня на второй этаж, поскольку ноги поначалу заплетались, но стоило им окрепнуть, как он вдруг нерешительно затормозил у двери. Вздохнул и повернулся ко мне лицом. Оно у него было не менее бледным и напуганным, чем у Этьена. В глазах я даже заметила поблескивающие слезы.

– Значит так, – отрывисто начал он. – Генерал был ранен. И чем-то заражен. Мы не знаем чем. Это не яд, и не магия. По крайней мере, не та магия, которую знают и понимают наши. Даже член верхней логи ничего не смог для него сделать.

Капитан замолчал, тяжело сглотнул и тихо добавил:

– Он умирает, Мира. И никто не может ему помочь. Маловероятно, что доживет до утра. Он пока в сознании и очень хочет тебя видеть. Только тебя, больше никого.

Моран отошел, делая неловкий приглашающий жест в сторону двери, но я не двинулась с места. Застыла, как каменное изваяние, не в силах пошевелиться, боясь даже вдохнуть, словно любое мое движение могло превратить его слова в правду.

– Но... как же так? Как это случилось? – услышала я собственный шепот.

И снова посмотрела на молодого капитана, который совсем недавно желал кому-то неизвестному полного краха. Мог ли Шелтер ошибиться? Мог ли доверять тому, кто его предал? Предал и подставил. Или же это случайность? Или еще чья-то злая воля?

Но когда я заглянула в глаза Морана, я поняла, что генерал в нем не ошибался. Нет, молодой офицер не радовался случившемуся. В его взгляде читалась скорбь, казалось, он едва сдерживает слезы, как будто теряет кого-то очень близкого. Мог ли он притворяться? Я не знала. Но зачем? Зачем притворяться передо мной, а больше ведь никого рядом и не было.

– Снайпер, – хрипло ответил Моран. – Стреляли с приличного расстояния. Мы поначалу подумали, что это лишь тяжелое, но обычное ранение, Этьен сразу принялся его лечить, но все оказалось серьезнее. Словно с пулей в его тело попало что-то еще, что-то чуждое. Похоже на проклятие, но маги его не чувствуют. Не могут зацепиться, а потому не могут убрать. Оно распространяется и губит его.

– Ему больно? – зачем-то спросила я.

На самом деле я просто очень боялась сделать эти последние несколько шагов, толкнуть дверь, оказаться в комнате, увидеть Шелтера...

Моран только молча кивнул, отводя глаза.

– Поторопись, – попросил он. – Мы не знаем, как долго он еще пробудет в сознании. А он очень хотел... Хотел увидеть тебя.

На негнущихся ногах я подошла к двери комнаты и толкнула ее. Она отворилась с тихим скрипом, пропуская меня внутрь, где пахло лекарственными зельями и

чем-то еще. Возможно, замершей в темном углу смертью, ожидающей своей жертвы.

Здесь было довольно темно, лишь тусклая лампа на дальней прикроватной тумбе рассеивала мрак. Шелтер полулежал на широкой кровати с другой стороны, подложив под голову и спину несколько объемных подушек, и его лицо оставалось в тени.

Я сделала еще несколько шагов, подходя ближе. Генерал был обнажен, прикрыт тонким одеялом до пояса. Сразу над светлой тканью виднелся свежий шрам. Маги действительно легко справились с пулевым ранением. Если бы дело было только в нем, генерал, скорее всего, уже командовал бы новым наступлением. Но от шрама в разные стороны разбегались тонкие черные нити, похожие на трещины на коже. Лишь присмотревшись, я поняла, что нити эти тянутся под кожей, ползут внутри тела, оплетая его смертоносной паутиной, стремятся к сердцу. Наверное, когда доберутся, тогда все и закончится.

Шелтеру действительно было больно. Я видела это по тому, как вздрагивало от судорог его тело, как искажалось в невыносимой муке лицо. Сразу вспомнилось, как он говорил о высоком болевом пороге и как нес меня на руках со сломанным ребром, ни разу не поморщившись. Какой же должна быть боль сейчас, если он не в состоянии ее терпеть?

Я стояла очень тихо, не шевелясь, только сжимала дрожащими пальцами ткань платья, ничего не говорила, даже дышала почти беззвучно, но он все равно как-то почувствовал мое присутствие и открыл глаза. Его губы тронула слабая улыбка.

– Мира, – выдохнул он, – ты пришла...

Как будто я могла не прийти! Его слова что-то переключили во мне. Я шумно выдохнула, из глаз брызнули слезы, ноги подкосились, и я резко села на край кровати, коснулась лежащей вдоль тела руки, сжала непривычно холодные пальцы. У него ведь всегда были такие горячие руки! А сейчас казалось, что огонь уже погас.

– Ну-ну, – с упреком протянул Шелтер, – давай только без драмы. Я тебя не для этого позвал.

Он говорил ровно, уверенно, но его голос звучал очень тихо, шелестел, как ветер листьями кроны. Кажется, когда-то давно Шелтер сравнил с таким шелестом меня.

– Простите, господин генерал, – зачем-то извинилась я, остервенело вытирая слезы – или скорее размазывая их по лицу – и отчаянно стараясь не позволить пролиться новым.

Я сжала его ладонь крепче, пытаюсь взять в руки саму себя. Его пальцы в ответ лишь слегка дрогнули. У Шелтера почти не было сил.

– Мира, я не прошу меня простить, – выдохнул он, облизав сухие губы. – Было бы нечестно делать это сейчас. Но я хочу, чтобы ты знала: мне жаль. Жаль, что между нами все получилось так... глупо. Я действительно хотел помочь тебе. И думал, что так будет лучше для нас обоих, что это выход из ситуации... Я не хотел тебя оскорбить или унижить.

Его лицо вдруг снова исказилось, пальцы напряглись, а по телу пробежала судорога, ему пришлось на какое-то время замолчать. Тяжело дыша и с силой стискивая зубы, он старался сдержать рвущийся наружу стон. Я придвинулась ближе, успокаивающе погладила его по плечу, дотянулась до лба, провела по нему кончиками пальцев, сдвигая слипшиеся от пота волосы.

Он весь горел. Липкая пленка пота покрывала все тело, но, очевидно, ничто не могло сбить жар. Почему же тогда так холодны пальцы?

– Тише-тише, – пробормотала я, скользя ладонью по его щеке. – Молчите, генерал Шелтер, все это неважно. Мне не за что вас прощать, вы сделали для меня много хорошего. Вы лучше берегите силы. Они вам нужны.

Он усмехнулся и едва заметно качнул головой.

– Нет, уже нет... Они мнегодились бы, чтобы рассказать... объяснить тебе все, но... слишком долгий разговор. Придется унести все свои тайны в могилу. Может быть, Лингор тебе потом расскажет...

– Пожалуйста, не говорите так. Вы обязательно поправитесь. Вы живучий, так Галя сказала. Выкарабкаетесь.

– Не в этот раз, милая. Не переживай за меня, я всегда знал, что этот день настанет. И за себя не волнуйся, с тобой все будет хорошо. Если Магистр откажет мне в последней воле, ты перейдешь к Морану. Не бойся его, он хороший парень и абсолютно мне верен, в этом я не сомневаюсь. Он позаботится о тебе... Сделает все то, что должен был сделать я... Он доведет до конца все мои дела.

Последнюю фразу я не поняла, и поскольку Шелтер произнес ее, закрыв глаза и не глядя на меня, решила, что ко мне она не относится. Он снова замолчал, и мне даже показалось, что он внезапно провалился в обморок или сон, но генерал вдруг снова скривился. Теперь я потянулась к нему уже двумя руками, страстно желая обнять, но было страшно его тревожить.

Шелтер вновь открыл глаза и посмотрел на меня. Пронзительно, с такой жадной и тоской, что сердце защемило в груди.

– Нам бы встретиться немного позже, – пробормотал он едва слышно. – Все было бы иначе.

Я не выдержала: наклонилась к нему, осторожно коснулась губами губ. Ответное движение не заставило себя ждать, но силы в нем тоже не было, как и в руках. От крепкого, здорового мужчины на глазах не оставалось и следа. И сколько бы я ни касалась его, сколько бы ни ласкала кончиками пальцев липкую кожу, это не могло помочь удержать его. Он исчезал, просачивался сквозь пальцы, как вода, которую тоже не удержать в ладонях.

– Ты помни меня таким, как в тот день, – попросил Шелтер еще тише. – С тобой я был другим. Всегда был другим... Таким, каким, наверное, должен был стать.

Я слышала его голос, но суть слов ускользала от меня, я понимала лишь отчасти. Вставший поперек горла ком не дал сказать вслух, поэтому я просто выразительно закивала, безмолвно обещая. Но никак иначе я и не смогла бы его помнить.

– Я что-то устал, – признался он, вновь прикрывая глаза. – Посплю немного, ладно?

– Конечно, – торопливо согласилась я. – Конечно, отдохните.

– Ты посиди здесь... Когда проснусь... потом...

Фраза так и осталась незаконченной. Еще одна судорога, стиснутые зубы и гримаса муки на лице. Глаза Шелтер уже так и не открыл.

Я снова успокаивающе погладила его, хмурясь из-за того, что судорога повторилась почти сразу, отдаваясь болью в моем собственном сердце. Повинуясь секундному порыву, я вновь прошептала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/letnyaya_lena/nagrada-dlya-general-a-kniga-vtoraya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)